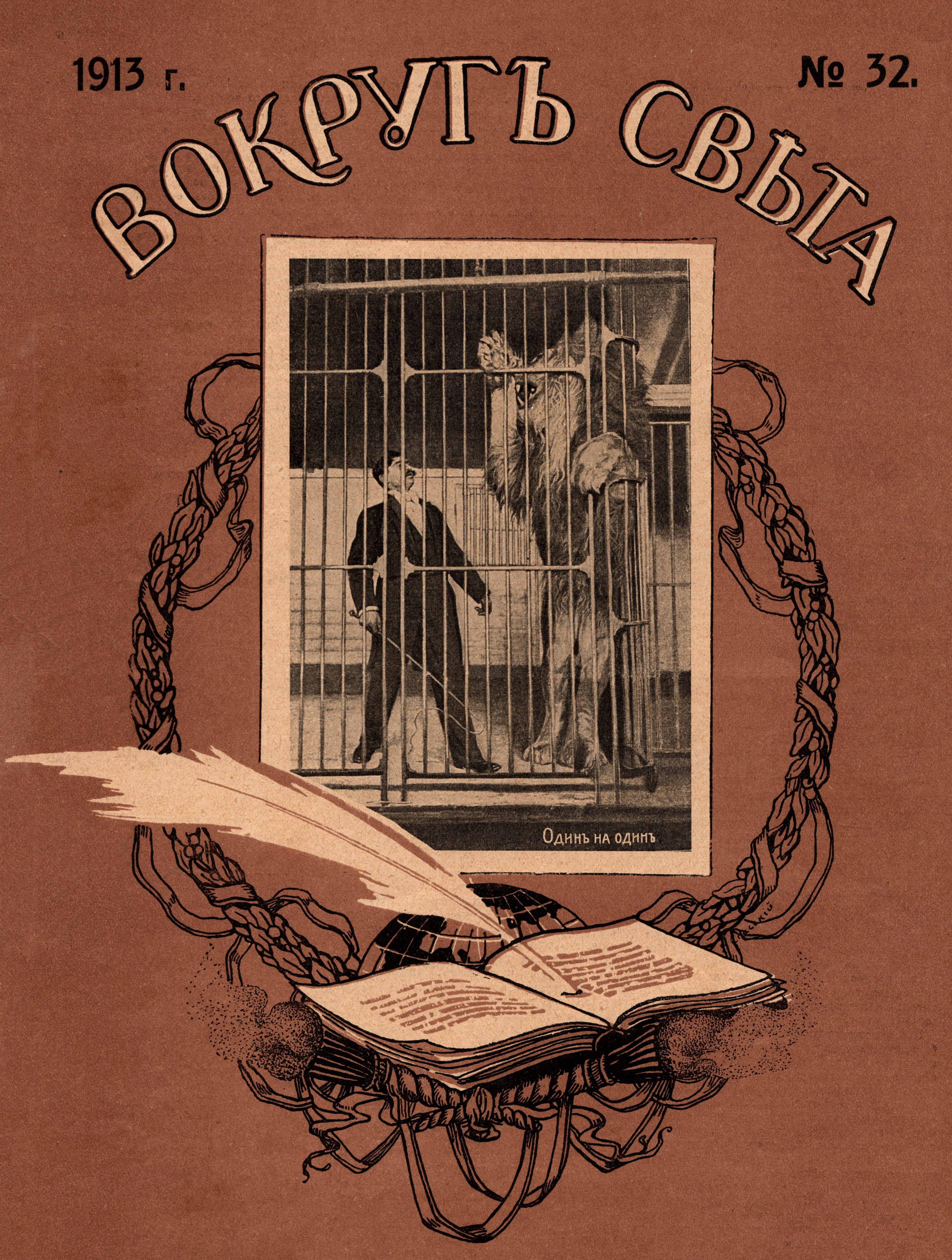
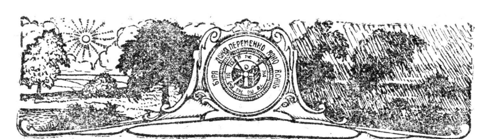
1913 г. № 32.

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

КАЛЕНДАРЬ ПОГОДЫ.

Сентябрь.

„Гонитъ сентябрь-батюшка вѣтры-сиверы со полуночи, дышитъ осенней свѣжестью, моросить мелкимъ дождемъ ненастнымъ, реветъ осенними бурями", — такъ живописно разсказываетъ народная наблюдательность о погодѣ изслѣдуемаго нами мѣсяца, и трудно придумать болѣе вѣрную и болѣе удачную характеристику погоды осенняго времени, для котораго сентябрь мѣсяцъ является первымъ.

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что данное опредѣленіе правильнѣе отнести скорѣе ко второй половинѣ сентября, когда, дѣйствительно, начинается тоскливый періодъ докучливыхъ осеннихъ дождей,—такъ какъ первая половина сентября отличается большею частью ведряной погодой и издавна получила прозваніе „бабьяго лѣта" (стараго).

„Бабье лѣто" (старое). Періодъ между 1 сентября и 10—15 сентября въ большинствѣ годовъ является по своей погодѣ однимъ изъ лучшихъ періодовъ года и лучшимъ украшеніемъ осенняго времени.

Свѣжій бодрящій воздухъ, безоблачное синее небо, на фонѣ котораго красиво выдѣляется желтѣющая листва деревьевъ, чрезвычайная сухость воздуха, и наконецъ, въ дополненіе ко всему этому, летящая паутина,—создаютъ въ высшей степени живописную картину, какъ бы послѣднее воспоминаніе о миновавшемъ лѣтѣ.

Летящая паутина, или, какъ ее называютъ простонародные натуралисты, *тенетникъ*, представляетъ много интереснаго для наблюденій любителя. Вы видите, какъ высоко въ голубомъ небѣ летятъ эти бѣлыя нити, обыкновенно, при сѣверномъ сухомъ вѣтрѣ, порою онѣ спускаются къ землѣ, садясь на деревья, стѣны домовъ.

И если бы вы пожелали узнать истинную причину этого любопытнаго явленія, то вамъ было бы не трудно это сдѣлать: подойдите къ только что опустившейся паутинкѣ, осмотрите внимательнѣе мѣсто, гдѣ она опустилась, и вы непремѣнно увидите маленькаго паучка, который бѣгаетъ, суетится около своего „аэростата"—паутины.

Итакъ, вы узнали, что всѣ эти безчисленныя бѣлыя нити есть не что иное какъ „аэростаты" крошечныхъ молодыхъ паучковъ, совершающихъ каждую осень свои воздушныя путешествія; на каждой паутинкѣ навѣрное сидитъ микроскопическій авіаторъ.

Интересное явленіе летящей паутины въ различные годы проявляется съ различной силой: иногда паутины летитъ больше, иной годъ—меньше.

Это обстоятельство давно обратило на себя вниманіе простонародныхъ метеорологовъ, и результаты ихъ наблюденій вылились въ слѣдующую примѣту: *коли „бабьимъ лѣтомъ" летитъ много тенетника,—жди сухой осени и суровой зимы"*. Очевидно, инстинктъ маленькихъ паучковъ-путешественниковъ говоритъ имъ больше, нежели научные метеорологическіе расчеты и выводы.

Очень совѣтуемъ любителямъ провѣрить приведенную примѣту, сдѣлавъ соотвѣтственныя подробныя записи въ своихъ дневникахъ.

Осенніе періоды. Проф. Д. Н. Кайгородовъ раздѣляетъ осеннее время на два періода: первый періодъ начинается вмѣстѣ съ расцвѣчиваніемъ листвы и продолжается до конца листопада; второй періодъ—съ конца листопада, когда лиственныя деревья стоятъ уже голыми, продолжается до дня замерзанія рѣкъ.

Съ днемъ замерзанія рѣки кончается осень, и начинается зима.

Продолжительность отдѣльныхъ періодовъ и количество ясныхъ или пасмурныхъ дней въ каждомъ изъ нихъ характеризуютъ собою какъ оба періода, такъ и всю осень того или иного года.

Указанное дѣленіе осени на два періода сдѣлано очень удачно, и мы предлагаемъ тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые удѣляютъ свой досугъ метеорологическимъ наблюденіямъ, воспользоваться имъ въ своихъ записяхъ.

Осеннее расцвѣчиваніе листьевъ. Въ первой половинѣ сентября, въ періодъ „бабьяго лѣта", а иногда нѣсколько позже, въ средней Россіи начинается обыкновенно расцвѣчиваніе листвы.

Явленіе это въ ясные, сухіе, такіе рѣдкіе осенью, дни представляетъ удивительно красивое зрѣлище.

Принято говорить, что лѣсъ „пожелтѣлъ"; но это не совсѣмъ точно выражено; выйдите въ ведряный осенній денекъ въ ближайшій лѣсъ или сосѣднюю рощу, паркъ, понаблюдайте окраску осенней листвы, и вы найдете, кромѣ желтизны, чрезвычайно разнообразные оттѣнки различныхъ красокъ.

Почти каждая порода деревъ окрашиваетъ свою листву въ свой опредѣленный цвѣтъ; вы увидите, въ самомъ дѣлѣ, что, напримѣръ, листья клена окрашиваются въ оранжевый и даже пунцовый цвѣтъ; кленъ, какъ говорятъ натуралисты, „зарумянился".

Листья вяза принимаютъ лиловые тона съ различными оттѣнками: темно-лиловымъ, розово-лиловымъ, наконецъ темно-бронзовымъ.

Липа окрашиваетъ свою листву въ грязно вато-желтый цвѣтъ, — и лишь по отношенію къ березѣ (и осинѣ) мы можемъ, дѣйствительно, сказать, что эти деревья пожелтѣли, „вызолотились", такъ какъ ихъ листья принимаютъ, въ самомъ дѣлѣ, ярко-желтую окраску...

Не можемъ не посовѣтовать попутно съ вашими наблюденіями собрать нѣсколько листьевъ разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ на память объ осени; листья эти долго сохраняются и могутъ служить, поэтому, очень изящнымъ украшеніемъ письменнаго стола или стѣнъ вашей рабочей комнаты.

Листопадъ. Начало и конецъ листопада, точно такъ же какъ и характеръ расцвѣчиванія листвы, зависятъ всецѣло отъ погоды перваго осенняго періода.

Чѣмъ больше ясныхъ, солнечныхъ, сухихъ дней, тѣмъ ярче, тѣмъ интенсивнѣе краски листьевъ, и тѣмъ скорѣе наступаетъ листопадъ.

Наоборотъ, вялое расцвѣчиваніе есть результатъ дождливой погоды и отсутствія солнечныхъ дней; листопадъ въ этомъ случаѣ принимаетъ также затяжной характеръ.

Не всѣ породы деревьевъ теряютъ листья одновременно; къ числу тѣхъ, которыя значительно отстаютъ въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ отнести тополь и иву, которыя сбрасываютъ окончательно свою листву лишь самой поздней осенью, обыкновенно въ первой половинѣ октября.

Сюда же мы должны причислить и сирень, кусты которой бываютъ еще покрыты зелеными листьями, въ то время какъ другія деревья стоятъ уже съ голыми сучьями и вѣтвями.

Съ концомъ листопада, какъ мы уже сказали, оканчивается первый осенній періодъ. Конечно, изъ года въ годъ это случается въ различное время; вообще же у насъ, въ средней полосѣ Россіи, первый періодъ осени оканчивается въ послѣднихъ числахъ сентября или въ началѣ октября.

Существуетъ очень интересная, достойная вниманія, примѣта относительно времени листопада. По примѣтѣ выходитъ, что *преждевременное наступленіе листопада ведетъ къ суровой зимѣ.*

Смыслъ этой примѣты намъ станетъ ясенъ, если мы поставимъ ее на ряду съ указанными выше примѣтами о паутинѣ по зависимости расцвѣчиванія листьевъ отъ погоды перваго осенняго періода.

Очевидно, что сухая осень, съ большимъ количествомъ „тенетника", съ яркимъ расцвѣчиваніемъ листвы и раннимъ листопадомъ есть признакъ суровой зимы.

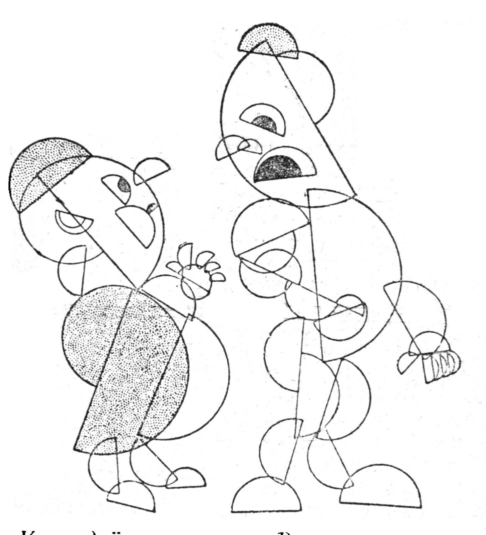
Таковъ выводъ мы можемъ получить изъ разсмотрѣнія въ совокупности всѣхъ трехъ примѣтъ, и провѣрить его является дѣломъ не только интереснымъ, но и очень важнымъ.

Осенній отлетъ птицъ. Въ первыхъ числахъ сентября осенній пролетъ птицъ на югъ. Народная наблюдательность отмѣтила въ этомъ отношеніи два дня, а именно: *15 сентября*—Никиты-гусепролета и *18 сентября*—Арины—„журавлиный летъ".

И подобно тому какъ въ мартѣ мѣсяцѣ по весеннему прилету птицъ мы знали, что скоро весна (вспомните 4 марта, день Герасима-грачевника), точно такъ же и теперь инстинктъ отлетающихъ птицъ можетъ послужить намъ вѣрнымъ признакомъ приближающейся осени.

П. Е. ЕФИМОВЪ.

Современная „живопись".

«Крупный разговоръ». *Рис. геометриста.*

ВСЕСВѢТНЫЙ ЮМОРЪ.

Увлеченіе авіацией и ея послѣдствія.

XXIX г. изданія. 25 августа 1913 г.

№ 32 **ВОКРУГЪ СВѢТА** № 32

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

путешествій, науки, литературы и искусства.

Контора и редакція журнала: Москва, Тверская, д. Т-ва И. Д. Сытина, № 48. ▭ Тлф. 98-57.

Гг. авторы, присылающіе свои рукописи въ редакцію, благоволятъ обязательно прилагать почтовыя марки для отвѣта. Рукописи менѣе печатнаго листа авторамъ не возвращаются; стихотворенія не принимаются и ни въ какую переписку по ихъ поводу ред. не входитъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала, а также въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. ▰▰ За перемѣну адреса уплачивается три 7-ми-коп. почтовыя марки. ▰▰ Цѣна отдѣльнаго № журнала 10 коп., съ книгой — 40 коп. (съ пересылкой).

о о ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ: о о

съ 24 кн. собранія художественн. соч. Л. Н. Толстого, съ пересылкой и доставкой **7 р.** Допускается разсрочка: 3 р. при подп., 2 р. къ 1 апр. и 2 р. къ 1 іюля.

съ 48 книг. полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого, съ пересылкой и доставкой **11 р.** Допуск. разсрочка: при подпискѣ 4 р., къ 1 апр. 4 р. и къ 1 іюля 3 р.

Замѣна перваго изд. вторымъ и наоборотъ послѣ подп. не допускается.

ЭСКИМОСЫ, ПОБЫВАВШІЕ У СѢВЕРНАГО ПОЛЮСА.

Отправляясь въ свое путешествіе, закончившееся открытіемъ сѣвернаго полюса (съ 6 іюня 1908 г.—23 апрѣля 1909 г.), капитанъ Пири прежде всего заѣхалъ на западный берегъ Гренландіи, къ мысу Іорку, гдѣ жило знакомое ему племя эскимосовъ.

Безъ эскимосовъ трудно обойтись въ путешествіи по полярнымъ странамъ, потому что никто такъ не умѣетъ ходить за собаками и управлять ими, какъ эти сыны крайняго сѣвера.

Знакомство Пири съ эскимосами началось давно, съ 1891 г., когда Пири совершалъ свои первыя плаванія по арктическимъ морямъ.

Нѣсколько разъ ему приходилось подолгу жить съ эскимосами, онъ научилъ ихъ многому полезному, сумѣлъ пріобрѣсть ихъ довѣріе и расположеніе и приготовилъ себѣ изъ нихъ лучшихъ сотрудниковъ.

Онъ пишетъ о нихъ въ своихъ запискахъ — «Какъ я открылъ южный полюсъ», слѣдующее:

«Мы добрались до мыса Іорка, гдѣ ютится одинъ изъ маленькихъ эскимосскихъ поселковъ. Впрочемъ, количество населенія поселка очень разнообразное: въ одинъ годъ здѣсь живетъ больше семей, въ другой — меньше, такъ какъ эскимосы народъ кочевой.

«Мнѣ доставило удовольствіе, когда я увидѣлъ, какъ они поплыли къ намъ на своихъ кожаныхъ лодкахъ, и радостна была мысль что я сейчасъ опять встрѣчусь съ этими честными обитателями сѣвера, бывшими моими товарищами въ разныхъ превратностяхъ судьбы».

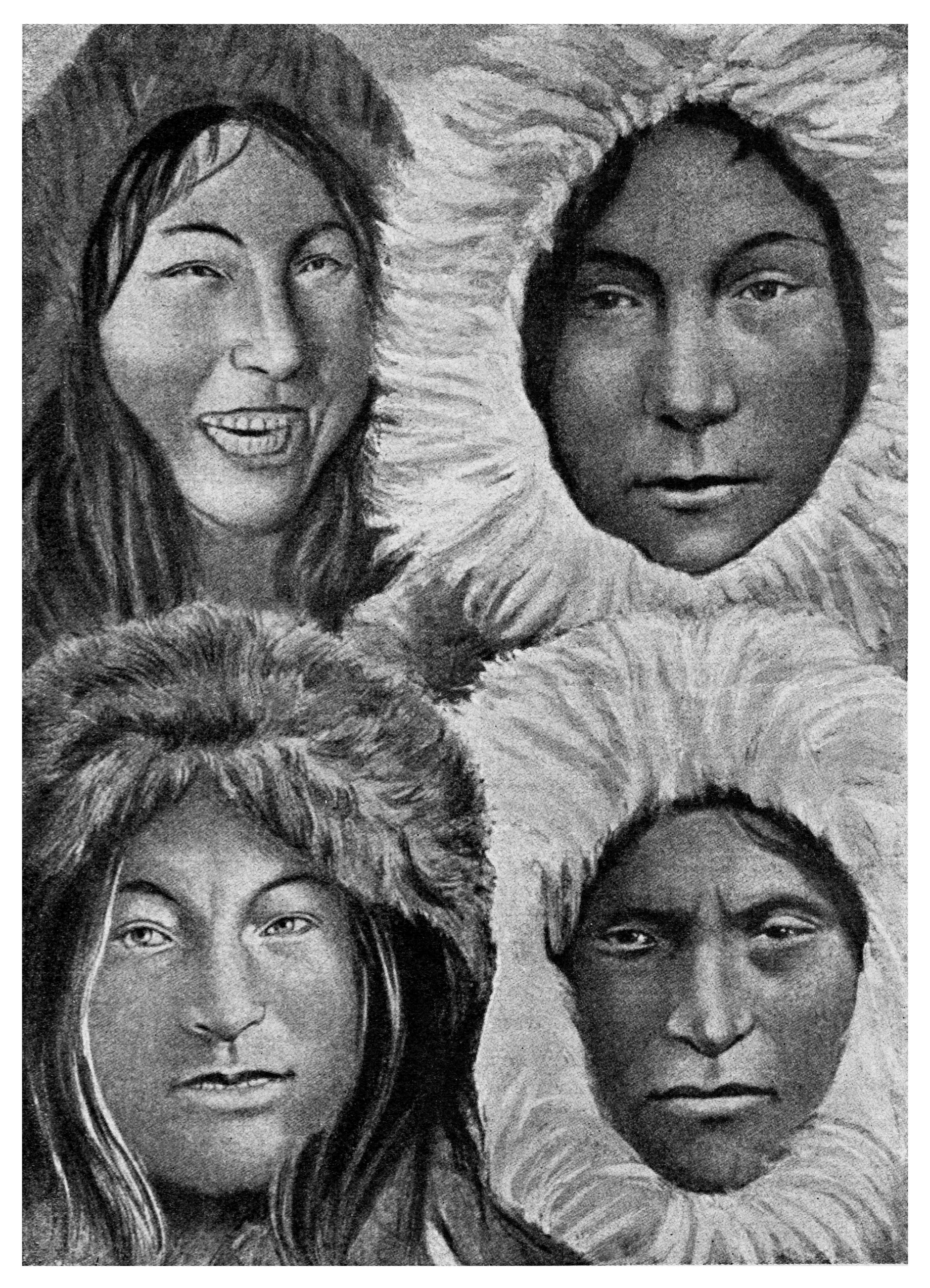
На мысѣ Іоркѣ Пири засталъ пять эскимосскихъ семей. Онѣ его встрѣтили, разсказали обо всемъ происшедшемъ за три года, которые они не видались.

Эскимосы Гренландіи не дикари въ полномъ смыслѣ слова—ихъ скорѣе можно назвать дѣтьми природы. Они нѣсколько наивны и забавляются пустяками, но неподкупно честные, привязчивые и вѣрные. Отличаясь крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и хорошимъ здоровьемъ, они не пьютъ и не играютъ.

Пири взялъ съ собой самыхъ надежныхъ эскимосовъ—49 человѣкъ—22 мужчинъ, 17 женщинъ и 10 дѣтей—и 246 собакъ. Изъ этихъ эскимосовъ Пири выбралъ для своего окончательнаго путешествія пятерыхъ.

Во все время длиннаго пути къ полюсу и обратно эскимосы и ихъ собаки были вѣрными помощниками Пири, несмотря на почти неимовѣрныя трудности, которыя приходилось преодолѣвать. Передъ нами портреты двухъ эскимосовъ, сопровождавшихъ Пири до полюса—Э-гинъ-уаха (налѣво вверху и внизу) и О-а-таха (направо вверху и внизу) до отправленія къ сѣверному полюсу и по возвращеніи оттуда.

По ихъ лицамъ мы можемъ судить, какъ много они перенесли во время путешествія. А. Г.

Э-гинъ-уаха до отправленія къ полюсу и по возвращеніи.

О-а-таха до отправленія къ полюсу и по возвращеніи.

I. Въ послѣдній разъ.

Разсказъ У. Дж. Ренгэма.

Ахъ! не дѣлай этого, Иванъ, не ходи, ради Бога. Сегодня ночью я видѣла такой страшный сонъ. Онъ, навѣрно, не къ добру. Все было до ужаса ясно и отчетливо, совершенно какъ наяву. Я видѣла, какъ ты карабкался на гору надъ головой Христіана, видѣла, какъ ты упалъ,—проговорила тихимъ, взволнованнымъ голосомъ красивая молодая женщина—съ виду почти дѣвочка—сидѣвшая недалеко отъ насъ за столомъ на террасѣ отеля при кургаузѣ въ Клостерсѣ.

Мы съ Нортономъ только что отобѣдали, и на дворѣ почти совсѣмъ смерклось, но электрическій свѣтъ, горѣвшій на углу отеля, ярко озарялъ ея прелестное лицо, выражавшее сильное душевное безпокойство, которое она, очевидно, едва сдерживала. Нѣжныя, изящныя руки ея были судорожно сжаты, и тонкіе пальцы хрустѣли, сверкая подъ лучами свѣта драгоцѣнными камнями, вставленными въ перстни. Кто-то отвѣтилъ ей по-французски; мнѣ не было видно говорившаго, но голосъ былъ звучный и необыкновенно привлекательный.

— Напрасно ты такъ мучишь себя, милочка, изъ-за какого-то глупаго сна,—произнесъ онъ.—Вѣдь я же обѣщалъ тебѣ никогда больше не взбираться. Это будетъ въ самый послѣдній разъ.

Она глубоко вздохнула и встала изъ-за стола. Когда они проходили мимо насъ въ гостиницу, я замѣтилъ, какъ она граціозно двигалась и какъ безукоризненно держала себя, и изящество ея костюма также не ускользнуло отъ меня, хотя я и былъ человѣкомъ, мало смыслившимъ въ женскомъ туалетѣ. Спутникъ ея былъ красивый и хорошо сложенный мужчина, очень высокаго роста, какіе не часто встрѣчаются. Въ каждомъ его движеніи сквозили сила и ловкость.

Мы съ Вивіаномъ Нортономъ только что провели пять чудныхъ дней въ скитаньяхъ по восхитительнымъ горамъ, лежащимъ въ пограничныхъ областяхъ Австріи и Швейцаріи.

Слѣдующее утро мы провели въ важныхъ совѣщаніяхъ съ своимъ проводникомъ Мартиномъ Гефферомъ, который разыскалъ намъ хорошаго мѣстнаго проводника, по фамиліи Шмидта, замѣтивъ при этомъ, что взялъ его только на нѣсколько дней, по истеченіи которыхъ нанялъ въ проводники Вильгельма Христіана, самаго знаменитаго проводника въ этой мѣстности. Онъ привелъ Христіана наверхъ и познакомилъ его съ нами, и проводникъ сказалъ намъ, что нанялся сейчасъ къ господину, котораго мы видѣли на террасѣ отеля наканунѣ вечеромъ.

Онъ сообщилъ намъ также, что сегодня въ пополуденное время отправляется съ этимъ туристомъ къ хижинѣ Сильвретты, куда и мы собирались итти. Подобно намъ, они намѣревались тамъ переночевать и затѣмъ съ зарею отправиться на какой-нибудь горный пикъ.

Въ четыре часа мы съ Нортономъ тронулись въ путь въ сопровожденіи Геффера и Шмидта. Не спѣша брели мы вверхъ по долинѣ, ведущей отъ Клостерса къ пикамъ Сильвретты, и, свернувъ съ дороги у большой группы коровниковъ, стали взбираться къ хижинѣ Сильвретты, куда добрались черезъ полтора часа.

Мы застали нѣсколько другихъ альпинистовъ, уже расположившихся въ хижинѣ на ночлегъ, въ томъ числѣ Христіана и высокаго, красиваго господина, котораго онъ сопровождалъ. Они двое были душою всего остального общества.

Христіанъ былъ типичнымъ проводникомъ; кромѣ своего родного нѣмецкаго языка, онъ свободно говорилъ по-англійски, былъ превосходно знакомъ съ горами и зналъ множество разсказовъ о горныхъ приключеніяхъ. Туриста звали Иванъ Друцкій; онъ былъ русскій и, подобно всѣмъ образованнымъ русскимъ, прекрасно зналъ языки, былъ чрезвычайно интереснымъ собесѣдникомъ, шутникомъ и балагуромъ и отъ времени до времени запѣвалъ пѣсенку на какомъ-нибудь изъ пяти языковъ, на которыхъ говорилъ такъ же бѣгло, какъ на своемъ родномъ.

Скоро мы узнали причину горячихъ просьбъ его жены, которыя подслушали противъ своей воли за столомъ на террасѣ отеля.

Друцкій былъ не простымъ альпинистомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Онъ любилъ подвергаться опасностямъ и, попавъ въ горы, думалъ только о томъ, какъ бы совершить самый трудный подъемъ по самымъ неприступнымъ, головоломнымъ дорогамъ.

— Дѣло въ томъ,—говорилъ онъ,—что я родился на шестьдесятъ лѣтъ позднѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Чего я не далъ бы, чтобы быть однимъ изъ піонеровъ, пробравшихся въ Альпы! Какая высокая честь быть первымъ человѣкомъ, стоящимъ на вершинѣ Юнгфрау, Маттергорна или Монте Розы! Въ настоящее время пройдены всѣ возможныя дороги, ведущія на высочайшіе пики, и мнѣ приходится довольствоваться отыскиваніемъ новыхъ путей на меньшія горныя вершины. Однако мы съ моимъ пріятелемъ Христіаномъ успѣли сдѣлать не мало замѣчательныхъ открытій, не правда ли, Христіанъ? Завтра мы взберемся съ нимъ на гору въ послѣдній разъ, а затѣмъ я засяду и напишу нѣсколько статей для вашего Альпійскаго журнала, которыя удивятъ мудрецовъ, воображающихъ, что въ Альпахъ нельзя больше совершить никакихъ новыхъ подъемовъ.

Христіанъ самодовольно усмѣхнулся, какъ-будто былъ убѣжденъ, что можетъ справедливо гордиться своимъ участіемъ въ подвигахъ, о которыхъ говорилъ Друцкій.

Бросивъ послѣдній взглядъ на темное ночное небо, усѣянное яркими звѣздами, мы улеглись и уснули, какъ убитые, пока не были разбужены топотомъ тяжелыхъ ногъ и громкими голосами Ивана Друцкаго и Христіана, прощавшихся съ нами.

Утренній туалетъ въ горахъ очень несложная вещь. Мы не умывались, не брились и лишь наскоро накинули на себя необходимѣйшія принадлежности самаго незатѣйливаго, легкаго и просторнаго горнаго костюма.

Черезъ десять минутъ послѣ ухода Друцкаго съ товарищемъ мы сидѣли за столомъ съ большими ломтями темнаго полубѣлаго хлѣба въ рукахъ, который запивали

крѣпкимъ чернымъ кофе, а немного спустя и сами были готовы отправиться въ путь.

Выйдя изъ дверей хижины, мы услышали какіе-то слабые крики, доносившіеся до насъ снизу изъ-подъ горы, и замѣтили внизу, на разстояніи двухсотъ футовъ отъ насъ, двѣ фигуры, съ трудомъ взбиравшіяся по крутой, неровной дорогѣ.

— Смотри, Нортонъ, — сказалъ я съ испугомъ своему спутнику,—вѣдь одна изъ нихъ женщина и притомъ даже не жительница горъ, судя по ея большой шляпѣ и длинному платью.

Мы напрягали зрѣніе, стараясь разсмотрѣть идущихъ сквозь утренній туманъ, и нетерпѣливо ждали, желая знать, что они намъ кричатъ.

А человѣческія фигуры карабкались все выше и выше, и, наконецъ, къ своему величайшему изумленію, мы узнали въ одной изъ нихъ жену Друцкаго.

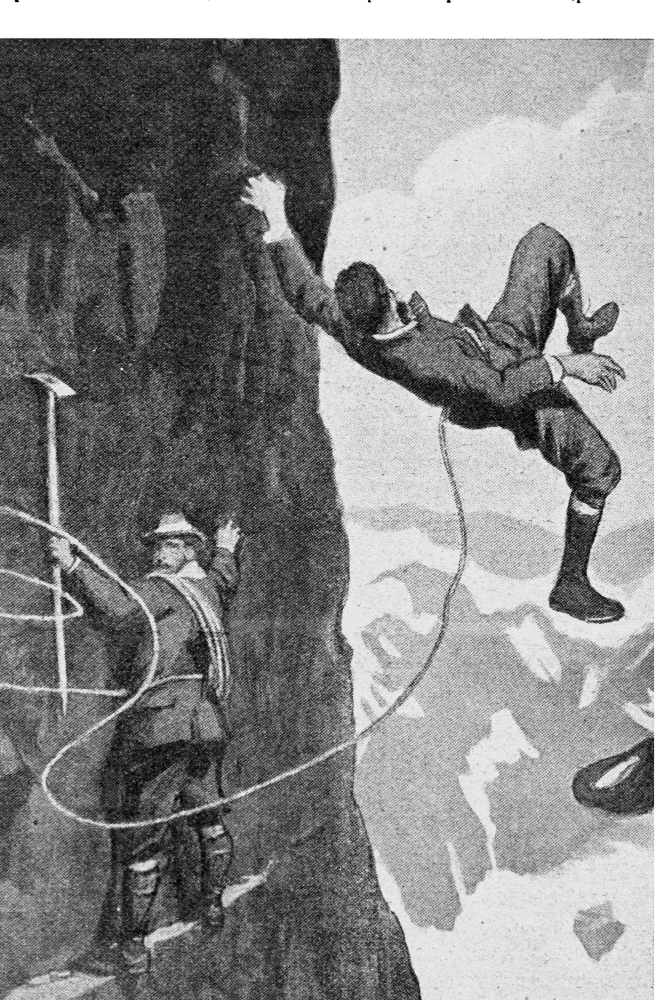
Мы поспѣшили сбѣжать внизъ по тропинкѣ ей навстрѣчу. Пошатываясь, взобралась она на гору, и опустилась почти безъ чувствъ на твердые камни. Ея тонкіе лакированные башмачки были исцарапаны и изорваны, и на одной лодыжкѣ виднѣлся порѣзъ, откуда сочилась кровь. Платье ея было выпачкано росою на нижнихъ травянистыхъ горныхъ склонахъ. Она такъ запыхалась, что съ трудомъ могла говорить.

— Ушелъ онъ? Ушелъ? — спросила она хриплымъ шопотомъ.

— Вашъ мужъ? Да, съ полчаса тому назадъ, — отвѣтилъ я.

— Ахъ!—вскричала она, задыхаясь, и смертельная блѣдность разлилась по ея лицу.— Значитъ, я опоздала! Опоздала!

Мы довели или почти донесли ее къ хижинѣ и заставили ее проглотить немного водки. Это подкрѣпило ее настолько, что она была въ состояніи объяснить намъ причину своего страннаго появленія на горномъ склонѣ въ 5000 футовъ высоты въ такой неурочный часъ для изнѣженной и избалованной женщины, какъ она.

Тѣло его вдругъ покачнулось, онъ взмахнулъ руками и упалъ внизъ.

— Мнѣ приснился сонъ,—сказала она,—страшный сонъ, и приснился уже въ другой разъ,—и затѣмъ она разсказала почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какія мы слышали на террасѣ отеля наканунѣ вечеромъ, свой страшный, живой сонъ.

Кончивъ разсказъ, она разразилась рыданіями, громко вскрикивая сквозь слезы:

— Развѣ ничего нельзя сдѣлать? Вы англичане, какъ и я, и навѣрно можете помочь мнѣ спасти своего мужа. Я такъ люблю его; мы только шесть недѣль женаты. Какъ жаль, что я не успѣла попасть сюда полчаса тому назадъ. Мнѣ не удалось послать раньше за экипажемъ, чтобы доѣхать до подошвы горы. А если бы вы знали, какъ я выбивалась изъ силъ, чтобы взбираться скорѣе на эту ужасную гору. Было еще совсѣмъ темно, когда мы тронулись въ путь; я на каждомъ шагу спотыкалась и падала, а швейцаръ изъ отеля, котораго я взяла съ собой, оказался такимъ неловкимъ, что былъ почти совсѣмъ безполезенъ мнѣ.

— Успокойтесь, сударыня! — сказалъ Нортонъ, положивъ руку съ дружелюбнымъ видомъ на руку молодой женщины; — мы сейчасъ же отправимся разыскивать вашего мужа. У насъ хорошіе проводники, да и сами мы народъ сильный, привычный. Мы безъ всякаго затрудненія пустимся по его слѣдамъ и непремѣнно настигнемъ его, не бойтесь. Оставайтесь здѣсь и постарайтесь ободриться. Эта добрая женщина позаботится о васъ, — прибавилъ онъ, указывая на жену сторожа, которая стояла въ дверяхъ хижины и глядѣла во всѣ глаза на госпожу Друцкую, какъ будто она явилась съ того свѣта. — Останьтесь здѣсь и отдохните, а мы доставимъ его вамъ черезъ три часа здравымъ и невредимымъ.

Не сказавъ больше ни слова, мы поспѣшно вышли изъ хижины, кликнули Геффера и Шмидта, схватили свои веревки и кирки для откалыванья льда и ходко тронулись въ путь.

Въ нѣсколькихъ торопливыхъ словахъ сообщили мы Гефферу о случившемся и спросили у него, находитъ ли онъ возможнымъ итти по слѣду Друцкаго.

— Конечно, — отвѣтилъ онъ, — нѣтъ ничего легче. Снѣгъ только что выпалъ, совсѣмъ еще молодой. Они съ Христіаномъ первые ушли вдвоемъ, и какъ только мы выберемся изъ этихъ скалъ, мимо которыхъ они проходили, мы непремѣнно настигнемъ ихъ.

— Быстрѣе впередъ въ такомъ случаѣ, — сказалъ я, и мы двинулись въ путь, стараясь итти какъ можно скорѣе.

Скоро мы пришли къ страшно крутому горному склону. На протяженіи полумили дорога шла дномъ узкой промоины—единственной ведшей наверхъ, усѣянной голыми скалами, о которыхъ говорилъ Гефферъ. Тамъ, гдѣ онѣ оканчивались, промоина примыкала къ обширному, прикрытому снѣгомъ леднику, и здѣсь, къ нашему ужасу, оказалось два слѣда, каждый изъ которыхъ былъ оставленъ двумя людьми; одинъ шелъ прямо впередъ, другой поворачивалъ налѣво.

— Боже мой!—вскричалъ Гефферъ,—тѣ двое нѣмцевъ, что ночевали вмѣстѣ съ нами въ хижинѣ, видно, ушли оттуда въ то время, какъ мы спустились съ горы навстрѣчу леди.

Торопливо посовѣтовавшись между собою, проводники рѣшили, въ концѣ-концовъ, что лучше будетъ итти по слѣду, который повертывалъ налѣво, такъ какъ онъ велъ къ болѣе неприступнымъ высотамъ; кромѣ того, отпечатки ногъ въ этомъ слѣду были больше, стало-быть, не могли принадлежать нѣмцамъ, которые были гораздо ниже Христіана и высокаго русскаго.

Итакъ, мы стремительно бросились впередъ по этому слѣду.

Больше часа шли мы по снѣгу, напрягая каждый мускулъ, чтобы двигаться какъ можно быстрѣе. Къ несча-

стью, хотя въ общемъ утро было прекрасное, кругомъ насъ разстилались перистыя облака, обволакивавшія насъ со всѣхъ сторонъ бѣлымъ туманомъ, который мѣшалъ намъ итти по слѣду съ такою скоростью, какъ намъ хотѣлось бы. Добравшись до конца ледника и обогнувъ нѣсколько скалъ, мы увидѣли впереди шаговъ за триста отъ насъ двѣ человѣческихъ фигуры.

— Ошиблись!—проворчалъ Гефферъ, — оба небольшого роста. Мы шли по слѣдамъ нѣмцевъ. Охъ, ужъ эти нѣмцы! Какія у нихъ ножищи! Какія у нихъ ножищи! Впору были бы тому, кто вдвое больше ихъ ростомъ.

Смущенные своей ошибкой, мы остановились и стали совѣщаться, что намъ дѣлать.

Мы рѣшили не терять напрасно времени, возвращаясь по своимъ стопамъ назадъ, такъ какъ Шмидтъ былъ увѣренъ, что можетъ пробраться краемъ ледника и отыскать слѣдъ Друцкаго и Христіана.

Итакъ, мы снова тронулись въ путь.

Что касается меня, сердце сжималось у меня отъ страха. Видѣніе жены Друцкаго глубоко запечатлѣлось въ моемъ мозгу, и я чувствовалъ, что если мы даже отыщемъ слѣдъ, то все-таки не успѣемъ предотвратить катастрофу, казавшуюся мнѣ неизбѣжной.

Мы пробирались безостановочно съ четверть часа по крутому снѣжному склону, какъ вдругъ Гефферъ остановился. Зоркіе, привычные глаза его что-то замѣтили вдали; показавъ правой рукой на крутую, почти отвѣсную каменистую гору, онъ опустилъ лѣвую въ карманъ и вынулъ свою подзорную трубку.

— Безумцы! Безумцы! — пробормоталъ онъ, взглянувъ въ нее.—Сущіе безумцы!

— Да, дѣйствительно безумцы,—проворчалъ Шмидтъ.— Какъ-будто Гробликнеръ не опасенъ, какимъ бы путемъ на него ни взбираться. Это самая неприступная гора въ нашихъ краяхъ. И какъ только ихъ угораздило взобраться туда безъ крыльевъ?

Тѣмъ временемъ мы всѣ успѣли вооружиться подзорными трубами и, взглянувъ въ ту сторону, куда указывалъ Гефферъ, размахивая рукою, увидѣли такое страшное, потрясающее зрѣлище, подобнаго которому я надѣюсь никогда больше не увидѣть.

Сонъ жены Друцкаго сбылся съ начала до конца во всѣхъ подробностяхъ.

Высоко на отвѣсномъ склонѣ горы мы замѣтили какой-то движущійся темный предметъ, показавшійся намъ съ перваго взгляда одной исполинской фигурой.

Однако, минуту спустя, мы различили, что это былъ Друцкій, который медленно поднимался, стоя на плечахъ Христіана. Поднявшись и выпрямившись во весь ростъ, онъ постоялъ съ минуту, не двигаясь.

Мы видѣли, какъ онъ ощупывалъ правой рукой поверхность утеса, ища, за что бы ухватиться. Затѣмъ онъ уцѣпился лѣвой рукой за правую и медленно полѣзъ кверху. Онъ, очевидно, уперся во что-то лѣвымъ колѣномъ, такъ какъ поднимался на обѣихъ рукахъ, плотно прильнувъ къ горѣ. Затѣмъ въ то время, какъ онъ поднималъ кверху правую ногу, тѣло его вдругъ покачнулось, онъ взмахнулъ руками и упалъ внизъ, пролетѣвъ мимо Христіана, который все еще стоялъ, прислонившись къ скалѣ.

Все случилось точь въ точь, какъ описывала два раза жена Друцкаго дрожащимъ отъ страха голосомъ. Веревка натянулась, стащила бѣднаго Христіана съ выступа скалы, и оба полетѣли внизъ, исчезнувъ въ густомъ облакѣ, скрывшемъ отъ насъ, къ счастью, конецъ катастрофы.

Я машинально взглянулъ на часы. Было три минуты девятаго.

— Кому-нибудь изъ насъ надо отправиться назадъ къ хижинѣ,—сказалъ я.—Вѣсть о случившемся можетъ убить жену Друцкаго, но она, навѣрно, умретъ отъ неизвѣстности, если не получитъ въ скоромъ времени никакихъ извѣстій о немъ. Вы моложе и сильнѣе меня, Нортонъ, возьмите съ собою проводниковъ и посмотрите, остались ли въ живыхъ несчастные. А я пойду назадъ и сообщу Друцкой, что случилось несчастье, но что мы надѣемся на благополучный конецъ.

Черезъ полтора часа я добрался до хижины Сильвретты и, стараясь двигаться какъ можно тише, вошелъ въ комнату для туристовъ. Здѣсь, на матрацѣ, разостланномъ на полу, лежала бѣдная молодая женщина, чье сердце я собирался разбить. Жена сторожа наклонилась надъ ней и слегка ударяла ее по лбу жесткимъ, мокрымъ полотенцемъ.

Я увидѣлъ съ одного взгляда, что она въ безсознательномъ состояніи; глаза ея лихорадочно блестѣли, губы что-то бормотали, и слова срывались такъ быстро одно за другимъ, что я съ трудомъ могъ уловить ихъ смыслъ.

— Три минуты девятаго. Три минуты девятаго, — повторяла она безостановочно. Все случилось такъ, какъ мнѣ снилось, но, можетъ-быть, снѣжная насыпь, снѣжная насыпь...

И затѣмъ опять,—три минуты девятаго...

Она твердила одни и тѣ же слова, повторяя ихъ безчисленное множество разъ. Напрасно я старался успокоить ее, она продолжала метаться на жесткомъ матрацѣ и бормотать свое.

Спустя немного, я оставилъ ее на попеченіи сторожихи и, выйдя наружу, принялся бродить безцѣльно взадъ и впередъ мимо хижины, держась поблизости, чтобы поспѣшить на помощь, если бы она понадобилась.

Вдругъ я услышалъ крикъ, донесшійся до меня изъ скалистой промоины.

Взглянувъ въ ту сторону, я вздрогнулъ въ испугѣ, протеръ себѣ глаза и опять посмотрѣлъ туда же Неужели событія этого ужаснаго дня лишили меня разсудка?

По тропинкѣ, пролегавшей на днѣ оврага, спускались пять человѣкъ и всѣ они шли, держась совершенно свободно и прямо.

Я бросился вверхъ оврагомъ, крича, какъ сумасшедшій:

— Друцкій! Друцкій! Да неужели это вы, Друцкій?

Это былъ дѣйствительно Друцкій, а также Христіанъ и Нортонъ съ двумя проводниками. Друцкій шелъ впереди всѣхъ большими шагами. У него былъ смущенный видъ человѣка, не знающаго, гдѣ онъ и что съ нимъ происходитъ. Когда я подбѣжалъ къ нему, онъ схватилъ меня за руку.

— Моя жена!—воскликнулъ онъ, запинаясь.

Меня вдругъ точно молніей озарило, и я въ мигъ сообразилъ, что случилось.

— Она говорила правду,—сказалъ я.—Она видѣла, какъ вы упали въ рыхлый снѣгъ.

— Видѣла?—спросилъ Друцкій.—Видѣла?

— Ну, да,—возразилъ я. — Видѣла, какъ вы благополучно погрузились въ рыхлую снѣжную насыпь, скрытую отъ насъ облакомъ. Видѣла, какъ это случилось, съ такой же ясностью, съ какою видѣла раньше, какъ вы сорвались со склона горы, стащивъ за собой Христіана.

Черезъ два дня послѣ этого на террасѣ отеля при кургаузѣ въ Клостерсѣ сидѣло за столомъ маленькое общество изъ четырехъ человѣкъ, которые весело завтракали.

Жена Друцкаго совершенно оправилась отъ страшнаго потрясенія, перенесеннаго ею, а мужъ своей нѣжностью и преданностью, казалось, старался заставить ее забыть, что онъ сдѣлалъ вещь, которую она просила его не дѣлать.

Никто изъ компаніи ни единымъ словомъ не заикался о происшедшемъ, только Друцкій сказалъ съ задумчивымъ видомъ:

— Христіанъ можетъ разсказать вамъ кое-что объ интересныхъ экскурсіяхъ въ горы. Я же не собираюсь писать о нихъ. Сегодня вечеромъ я навсегда распрощаюсь съ горами, на которыя буду смотрѣть отнынѣ только какъ на украшеніе ландшафта.

ТРИСТА ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Очерки русской культуры XVI—XVII вѣковъ.

Я. Берлина.

IV.

„Крапивное сѣмя“.

Изъ множества самобытныхъ образовъ Московской старины, пожалуй, ни одинъ не запечатлѣлся такъ неизгладимо въ народной памяти, какъ крючкотворъ-приказный. Уже два вѣка минуло съ тѣхъ поръ, какъ этотъ герой сошелъ съ исторической сцены и послѣ него Русь, вплоть до введенія новаго суда, успѣла узнать много другихъ лихихъ судей; но отъ этого не потускнѣла память о недобрыхъ дѣлахъ старинныхъ московскихъ приказныхъ. До сихъ поръ еще народная рѣчь поминаетъ то „крапивное сѣмя“ и тревожитъ злымъ словомъ давно уже отошедшую въ вѣчность „приказную душу“.

Неоднократно отмѣчено, что русскій народъ легко отходчивъ и незлопамятенъ. И если онъ все еще не можетъ простить приказному его былыя грѣшныя дѣла,—то это потому, что очень ужъ много такихъ дѣлъ накопилось за печальнымъ героемъ московской старины. Московскіе люди терпѣли отъ его неправды „пуще чѣмъ отъ турскихъ и крымскихъ басурманъ“, и въ своихъ слезницахъ-челобитныхъ жалуясь на конечное разореніе, въ числѣ обидчиковъ своихъ заодно называли „татей, разбойниковъ, шишей, костарей“ и „приказныхъ людей“.

Московское правительство, „преклоняя уши въ мірѣ слышанія“, пыталось смирить „злодѣйство“ приказныхъ строгими указами и угрозами. Сидѣвшихъ въ приказахъ заставляли „съ жестокимъ проклинательствомъ“ цѣловать крестъ на томъ, что судить имъ впредь „безъ держи“, „по святой Евангельской правдѣ“, сильнымъ и друзьямъ не дружить и посуловъ да поминокъ никакихъ не брать. Уличеннаго же въ вымогательствѣ съ большимъ позоромъ водили по городу, навѣсивъ ему на шею полученный посулъ, а потомъ жестоко били батогами передъ приказами.

Но ни крестъ ни батогъ не могли обратить приказнаго на путь праведности, „Ни во что то заклинательство“,— пишетъ знавшій хорошо приказную жизнь подьячій Катошихинъ, — „и наказанія не страшатся и руки свои ко взяткамъ спущаютъ“.

Всякъ зналъ тогда, что „безъ дарственнаго воздаянія не дѣлаются дѣла въ Москвѣ“, что „Москва приносъ любитъ“ и дѣло неизмѣнно заволочится“, застрянетъ, а не

У БЕРЕГОВЪ ОСТРОВА ШПИЦБЕРГЕНА.

Несмотря на свою четырехсотлѣтнюю извѣстность, Шпицбергенъ мало изслѣдованъ дальше прибрежной полосы, представляющей рядъ живописныхъ фіордовъ съ ледниками, спускающимися прямо къ морю.

Присяга. *(Изъ „Описанія путешествія" Олеарія).*

то и совсѣмъ исчезнетъ, если не смазать какъ слѣдуетъ колеса скрипучей приказной машины. Приказные смотрѣли на свою должность, какъ на „кормленіе" и ходатаю-посыльщику, что приходилъ въ Москву съ челобитной или искомъ, говорили „не обинуяся, что отъ того же дѣла мы ѣсть де хотимъ". И потому такому посыльщику писали съ мѣста: „чѣмъ мочно, хоть займи, а подьячаго почти".

Впрочемъ, имѣя дѣло въ приказѣ, никто и не ѣхалъ въ Москву съ пустыми руками. Всякъ везъ, что могъ,— и деньги и иной приносъ. До насъ сохранилось не мало описей подобныхъ „дарственныхъ воздаяній" нужному приказному человѣку. Монастырскій посыльщикъ, отвезшій въ Москву въ приносъ пироговъ, и рыбинъ цѣльныхъ, и рыжиковъ въ ведрахъ, и маканныхъ сальныхъ свѣчей, отмѣчаетъ еще въ своемъ отчетѣ „убытковъ и волокитъ": „да съ молодымъ подьячимъ, да съ дьячимъ племянникомъ въ погребѣ выпоено вина на семь алтынъ". А вотъ что наказываетъ своему слугѣ нѣкій московскій стольникъ, имѣющій важное дѣло въ приказѣ:

„Придя къ дьяку въ хоромы, не входя, прежде развѣдай, веселъ ли дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко и тогда грамотку отдай. Приметъ дьякъ грамотку прилежно, то дай ему три рубля да обѣщай еще. А куръ, пиза и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ".

„А къ Кирилѣ Семенычу не ходи: тотъ, проклятый, все себѣ въ лапы забралъ. Къ Степкѣ сходи, хоть отъ моего имени не проси: я его, подлаго вора, чествовать не хочу. Понеси ему три алтына денегъ, рыбы сушеной да вина, а Степка—жаждущая рожа и пьяная".

Этотъ именитый стольникъ неспроста старался ублаготворить совсѣмъ не пользовавшагося его уваженіемъ „Степку": въ московскомъ приказѣ многое зависѣло и отъ мелкаго подьячаго.

Ибо всѣ судебныя дѣла рѣшались здѣсь келейно по докладу подьячаго. Онъ записывалъ показанія истца и отвѣтчика и по этой бумагѣ судьи съ дьяками, въ отсутствіи тяжущихся сторонъ, обсуждали искъ и выносили свой келейный приговоръ. Такимъ образомъ многое зависѣло отъ того, какъ подьячій представлялъ дѣло въ своей каверзной записи, которую онъ умѣлъ всегда составить, смотря по приносу, въ пользу той или другой стороны. Даромъ, что онъ не зналъ никакого профессіональнаго образованія и былъ обычно лишь грамотнымъ мужикомъ: сидя въ приказѣ, онъ съ годами такъ тонко усваивалъ всю технику того бумажнаго судопроизводства, что въ крючкотворствѣ могъ поспорить и съ дьякомъ. Потому что просители чтили стараго подьячаго подчасъ такимъ же приносомъ, какъ и самого дьяка.

Этимъ приказнымъ крючкотворамъ легко было опутать намѣченную жертву своей чернильной паутиной не только благодаря келейности тогдашняго бумажнаго судопроизводства, происходившаго въ отсутствіи тяжущихся, свидѣтелей и публики. На руку дьякамъ съ подьячими было и тогдашнее законодательство, страдавшее неполнотой и противорѣчивостью.

Законы свои Москва набрала постепенно отовсюду. Тутъ были и исконное обычное право народное и начала, позаимствованныя изъ византійскихъ законодательныхъ сборниковъ, и отголоски татарскихъ и литовскихъ правовыхъ понятій. Но какъ не пестро было содержаніе этихъ законовъ, оно было неполно и не могло разрѣшать многіе вопросы житейской практики. Поэтому „съ государеву докладу и всѣхъ бояръ приговору" то и дѣло составлялись новые дополнительные указы, заносившіеся въ приказахъ въ особыя „указныя книги".

Эти-то „указныя книги" и являлись настоящей опорой приказному крючкотворству. Ибо въ нихъ было множество противорѣчивыхъ, взаимно уничтожающихъ постановленій и, пользуясь по произволу ими, смѣтливый дьякъ могъ какъ хотѣлъ повернуть дѣло. Не даромъ же московская старина оставила на память о себѣ пословицу: „судья — что плотникъ: какъ захотѣлъ, такъ и вырубилъ".

Впрочемъ, московскій дьякъ былъ достаточно хитеръ, чтобы и безъ лазейки, которую открывало ему противорѣчивое законодательство, подогнать дѣло къ желаемому концу.

Въ „Повѣсти о Шемякиномъ судѣ", сложившейся въ XVII вѣкѣ, мѣтко представлена эта изворотливость тогдашняго судьи-крючкотвора. И не менѣе мѣтко воспѣлъ дьячью находчивость пѣвецъ русской старины, гр. Алексѣй Толстой, въ этихъ своихъ шутливыхъ стихахъ:

Какъ у Васьки Волчка воръ стянулъ гусака —
Вишь ты!
Въ полотенце свернулъ, да поймалъ караулъ —
Ништо!
Дьякъ сказалъ: „Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало Васька и тать, стало Васькѣ и дать
Таску!"

Не меньше чѣмъ этого приказнаго крючкотворства страшился московскій человѣкъ приказной волокиты. Кто затѣвалъ дѣло въ приказѣ, то ужъ зналъ, что ему вдосталь достанется походить и въ приказную избу и къ дьяку съ подьячимъ на домъ съ чернаго крыльца. Дьякъ „волочилъ" жалобщика или просителя, чтобъ побольше съ него вытянуть. Бывало и такъ, что дѣло не только застревало, но и совсѣмъ исчезало изъ производства, и жалобщикъ тщетно подавалъ свою „приставную память" десятки разъ подъ рядъ. „Изворотливые приказные — это алчные волки", пишетъ голландецъ, побывавшій на Руси въ дни правленія Михаила, — „нельзя подать въ приказъ бумагу безъ огромныхъ издержекъ, и тогда еще неизвѣстно, чѣмъ кончится дѣло: будетъ ли оно задержано или пущено въ ходъ".

Эта вошедшая въ поговорку „московская волокита" была особенно тягостной для пріѣзжихъ изъ областей и дальнихъ мѣстъ. Ходя за дѣломъ, они вконецъ проѣдались и проживались въ Москвѣ. Поэтому провинціальные обыватели часто предпочитали судиться по дѣламъ своимъ

на мѣстѣ у воеводъ, хотя и про этого героя московской старины было извѣстно, что онъ де „любитъ приносъ, что конь—овесъ“.

Темные дѣльцы умѣли использовать боязнь, которую питали мирные обыватели къ московскимъ приказамъ съ ихъ волокитой. Создалась цѣлая профессія „поклепцевъ“ или „ябедниковъ“, водившихъ компанію съ приказными и затѣвавшихъ „поклепные“ т.-е. лживые иски въ московскихъ приказахъ. Они наѣзжали съ зазывными грамотами въ большіе города, требуя зажиточныхъ обывателей въ Москву на судъ.

Чтобы не предпринимать разорительнаго путешествія, отрывавшаго надолго отъ дѣла, и не подвергаться всѣмъ несноснымъ мытарствамъ приказной волокиты, всякъ радъ былъ откупиться отъ поклепца и „мирился“ съ нимъ, самъ не зная въ чемъ, давая иногда больше десяти рублей (больше ста рублей на наши деньги). Фролъ Скобѣевъ, герой повѣсти XVII вѣка, выводится именно такимъ поклепцемъ, кормящимся ябедой.

Приказное „злодѣйство“ чѣмъ дальше, тѣмъ становилось тягостнѣе и дало себя особенно жестоко чувствовать при царѣ Алексѣѣ. Въ московскихъ приказахъ стало тогда судиться почти невозможно, въ одинъ голосъ говорили люди, что „къ дьякамъ приступъ тяжелъ“, что они „дерутъ нещадно, „а за кого“ заступовъ большихъ нѣтъ, того „выбиваютъ съ суда въ зашей“ и челобитной хода не даютъ.

Особенно отличился въ тѣ дни хищничествомъ своимъ приказный судья Плещеевъ.

Не довольствуясь вымогательствами съ тяжущихся, онъ завелъ у себя цѣлую шайку доносчиковъ-ябедниковъ, которые подавали на людей поклепные доносы во всякомъ лиходѣйствѣ.

Такихъ ложно оговоренныхъ Плещеевъ сажалъ въ тюрьму и, грозя пытками и жестокимъ приговоромъ, выжималъ изъ нихъ послѣдній грошъ.

Неудивительно, что имя этого ненавистнаго приказнаго было у всѣхъ на устахъ; и когда въ Москвѣ поднялся лѣтомъ 1648 года мятежъ ради „несносныхъ притѣсненій“, народъ прежде всего потребовалъ выдачи на казнь „своего лиходѣя“, Плещеева. Какъ извѣстно, требованіе толпы было исполнено, и Плещеевъ былъ забитъ палками.

Послѣ этого мятежа, направленнаго, главнымъ образомъ, противъ лихоимствующихъ приказныхъ, царь Алексѣй ласкозо говорилъ къ народу, не укоряя за содѣянное, и обѣщалъ ему впредь правосудіе.

Дѣйствительно, въ то же лѣто постановлено было привесть въ порядокъ законодательство: государь съ духовенствомъ, боярами, окольничими и думными людьми положили выписать изъ правилъ апостолъ и св. отецъ и гражданскихъ законовъ греческихъ царей статьи, которыя окажутся пристойными государскимъ земскимъ дѣламъ, собрать указы прежнихъ государей и боярскіе приговоры, справить ихъ съ прежними судебниками, написать и изложить общимъ совѣтомъ такія статьи, на какія нѣтъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, чтобы „Московскаго Государства всѣхъ чиновъ людямъ, отъ большаго до меньшаго чина, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна“.

Новое Уложеніе было вскорѣ составлено: получился почтенный свитокъ въ 434 аршина длиною. Но правосудія это Уложеніе не создало; ибо судъ попрежнему творился въ приказахъ втихомолку, по-домашнему, негласнымъ путемъ, и оттого основой его оставался не законъ, а приносъ.

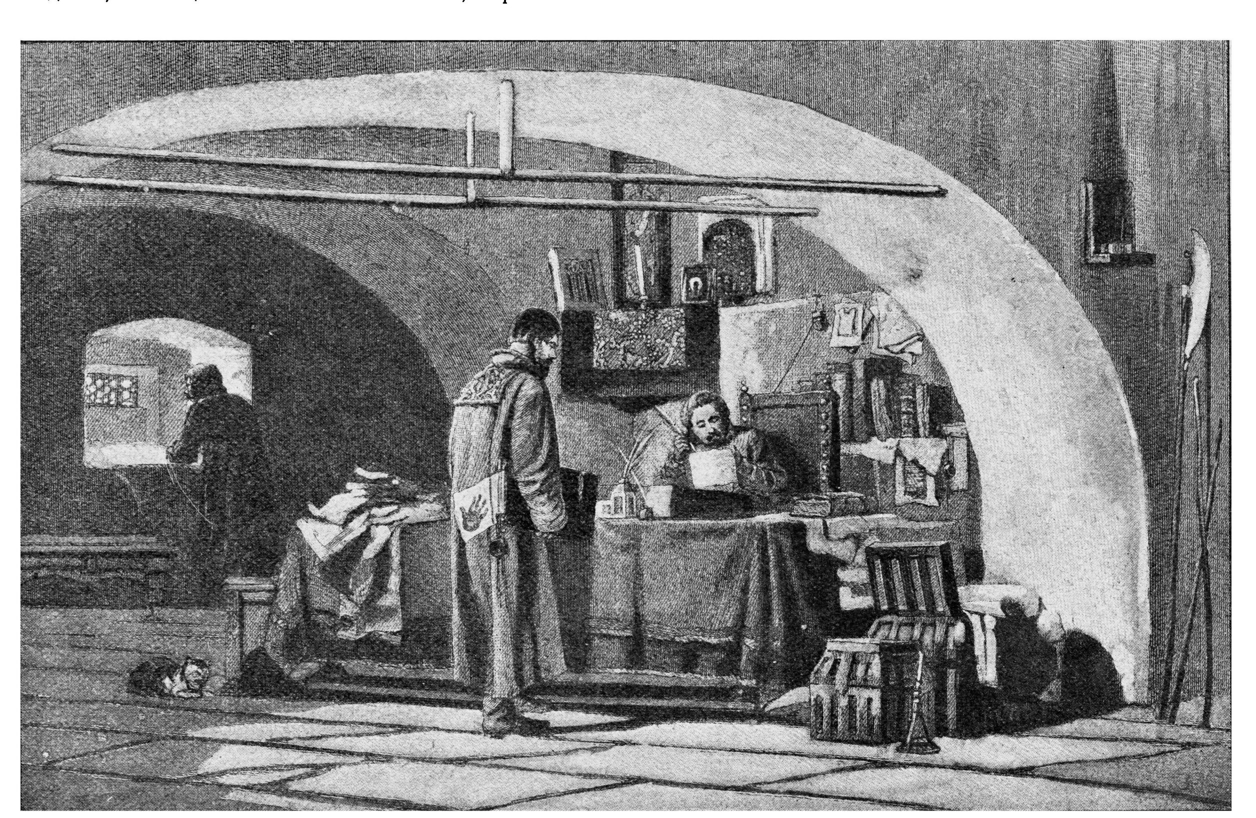
Такъ и отжила свой вѣкъ Московская Русь, не узнавъ „скораго и нелицепріятнаго“ суда.

Впрочемъ, и новой Россіи пришлось долго ждать такой судъ: еще много времени послѣ того, какъ исчезли съ исторической сцены дьяки съ подьячими, лихоимецъ-судья служилъ излюбленной мишенью общественной сатиры.

Онъ не забытъ ни въ сатирахъ Кантемира, ни въ сатирическихъ журналахъ Екатерининскихъ временъ, ни въ гоголевскомъ „Ревизорѣ“.

Нужна была коренная судебная реформа Александра II, чтобы съ лучшими учрежденіями пришли лучшіе судьи.

И, памятуя это, мы можемъ сказать въ облегченіе приговора надъ грѣшными московскими дьяками и подьячими, что не такъ плохи были приказные люди, какъ негоденъ былъ приказный судъ.

Приказъ въ Москвѣ въ XVI в. *Съ карт. А. Янова.*

КУЛЬТУРНЫЕ ОЧАГИ МІРА.

„ЦАРИЦА ЗАПАДА“ — ЧИКАГО.

Очеркъ Франца Баумгартена.

Не даромъ огромный городъ, раскинувшійся на берегу озера Мичиганъ, былъ прозванъ царицей запада; не даромъ мы въ Европѣ при словѣ Чикаго невольно думаемъ прежде всего о большихъ бойняхъ и хлѣбной биржѣ, о мясномъ трестѣ, дѣйствія котораго Эптонъ Синклеръ безпощадно разоблачилъ въ своемъ сенсаціонномъ сочиненіи „Джунгли“, а президентъ Рузвельтъ разгромилъ на конгрессѣ въ обширномъ докладѣ, и о хлѣбныхъ спекулянтахъ, которые своею „игрою на пшеницѣ“ повышаютъ въ цѣломъ мірѣ цѣны на хлѣбъ.

На первый взглядъ Чикаго кажется прототипомъ города, поклоняющагося только доллару. И, однако, къ его населенію относятся несправедливо, утверждая, что его единственное удовольствіе и стремленіе есть пляска вокругъ золотого тельца.

Чикаго можетъ смѣло помѣряться съ другими американскими городами по своимъ стремленіямъ украшать городъ общественными садами, парками и бульварами, чудесныя, старыя деревья которыхъ даютъ прохладную тѣнь.

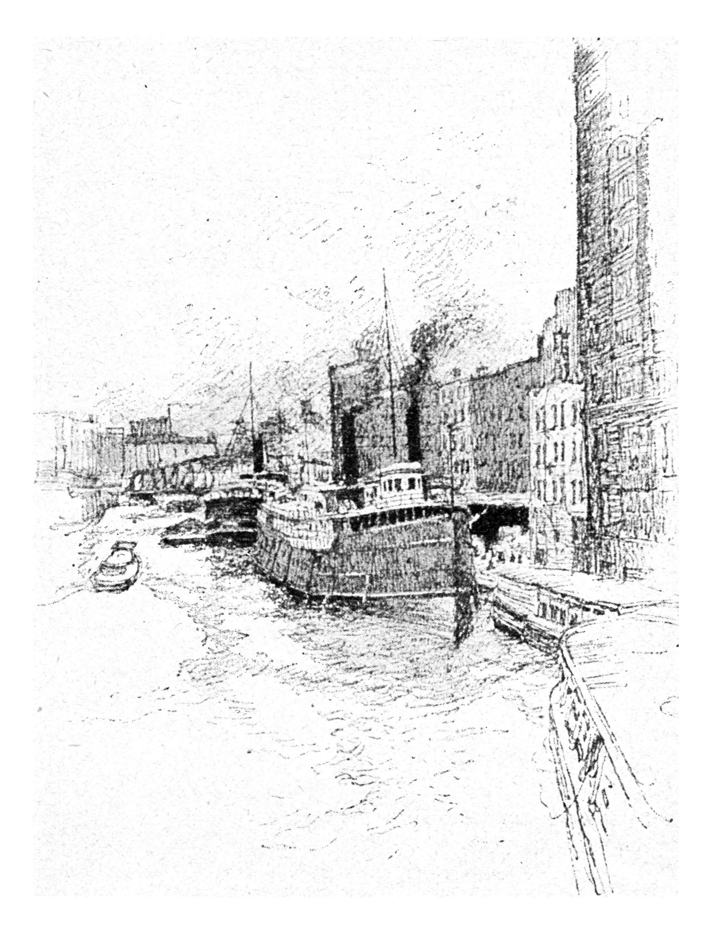
Искусство и наука нашли здѣсь убѣжище, созданное для нихъ почти исключительно частными руками. Чудесныя художественныя произведенія нашли дорогу изъ Стараго Свѣта въ Новый, и частнымъ лицамъ принадлежатъ собранія неисчислимой цѣнности.

Обѣ городскія библіотеки для чтенія буквально биткомъ набиты книгами и сверхъ того убраны и обставлены съ солидной роскошью. Лѣстница „Чикагской библіотеки“ вся сплошь облицована бѣлымъ мраморомъ, украшеннымъ чудесной стеклянной мозаикой. Библіотека уже теперь содержитъ 225.000 томовъ, но имѣетъ помѣщенія, которыхъ хватитъ для цѣлаго милліона. Сюда стекается безчисленное множество любознательныхъ и желающихъ учиться, которые въ теченіе получасового полуденнаго отдыха съѣдаютъ принесенный съ собою завтракъ.

Громкой извѣстностью пользуется Чикагскій университетъ, главнымъ образомъ, благодаря щедрости своего покровителя Джона Рокфеллера, который ежегодно удѣляетъ

Авеню Мичиганъ близъ Озернаго Парка въ Чикаго.

Рѣка Чикаго, теченіе которой повернуто городомъ въ обратную сторону.

ему нѣсколько милліоновъ долларовъ изъ своего огромнаго дохода. Во время его открытія, въ 1892 г., въ немъ было 600 слушателей, теперь же насчитывается около 5000 студентовъ и студентокъ, живущихъ, согласно англійскому и американскому обычаю, въ самомъ университетѣ, для чего служатъ двадцать такъ называемыхъ „дормиторій“, т.-е. жилыхъ домовъ.

Въ Эванстонѣ, предмѣстьѣ Чикаго, находится второй сѣверо-западный университетъ, принадлежащій методистамъ, медицинскій и юридическій факультеты котораго помѣщаются въ особомъ зданіи въ западной части Чикаго.

Интересенъ такъ называемый „медицинскій кварталъ“, также лежащій въ западной части Чикаго. Здѣсь находятся большой городской госпиталь и, по крайней мѣрѣ, полдюжины медицинскихъ колледжей, въ томъ числѣ Решъ-Колледжъ, принадлежащій университету и имѣющій около 700 слушателей, наконецъ женская медицинская школа.

Чикаго является однимъ изъ новѣйшихъ среди большихъ городовъ міра. Нынѣшній Чикаго возникъ только послѣ большого пожара, превратившаго въ 1871 г. почти весь городъ въ пепелъ и мусоръ. Городской округъ Чикаго равняется по величинѣ иному маленькому нѣмецкому княжеству.

Нынѣшній Чикаго не имѣетъ ничего общаго съ старымъ городомъ, существовавшимъ до „большого пожара“. Прежній состоялъ по большей части изъ деревянныхъ домовъ, чѣмъ и объясняется огромный пожаръ, который свирѣпствовалъ въ теченіе трехъ дней и прекратился только тогда, когда нечего было больше уничтожать, истребивъ до самаго основанія 17.500 зданій.

Новый Чикаго, подобно большинству большихъ американскихъ городовъ, построенъ изъ камня и желѣза и можетъ похвалиться тѣмъ, что въ немъ появились первые небоскребы.

Чикаго всегда умѣлъ превращать бѣдствія въ пьедесталы и, взбираясь на нихъ, достигать большей высоты. Мы

не пишемъ больше сказокъ, такъ какъ міръ нашъ полонъ чудесъ; а Чикаго есть величайшее чудо міра. Для города было счастьемъ, что 8 октября 1881 г. корова мистрисъ Макъ Лери встревожилась во время доенья, опрокинула фонарь и такимъ образомъ причинила пожаръ.

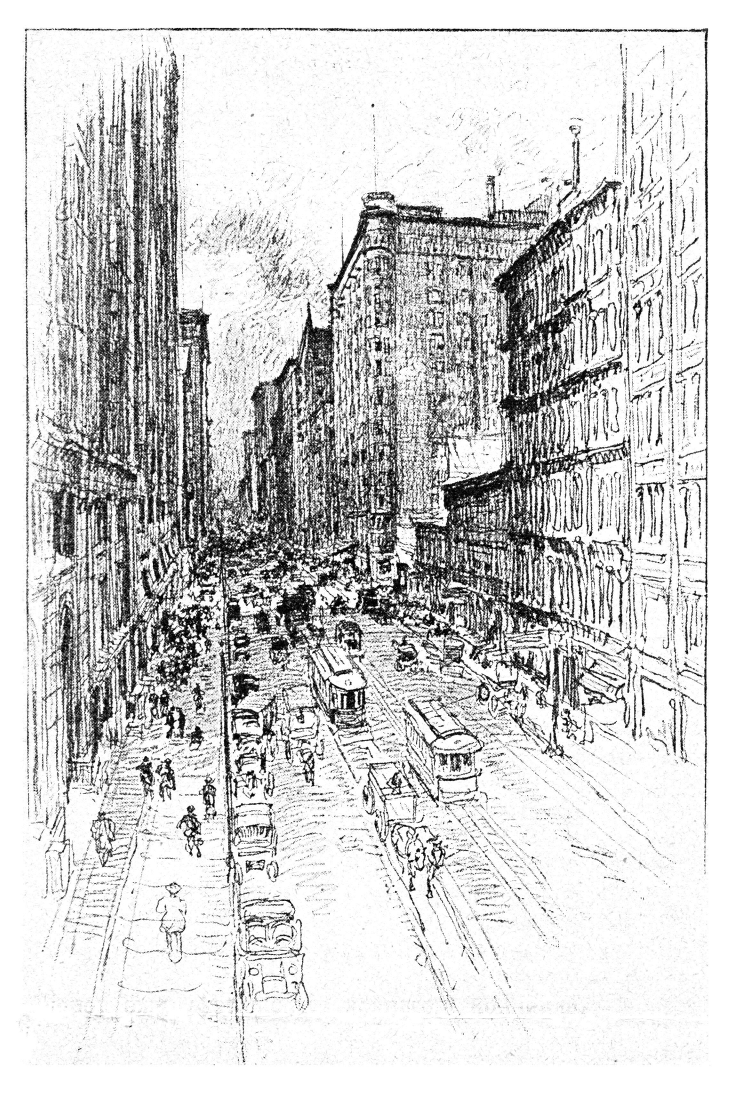
Тысячи рукъ поспѣшно взялись сызнова отстраивать то, что было превращено въ пепелъ, и хотя всѣ страховыя общества объявили себя банкротами, въ деньгахъ не было недостатка.

Положеніе у южной оконечности озера Мичиганъ было слишкомъ благопріятно, чтобы не привлечь взоровъ денежныхъ людей, склонныхъ къ спекуляціямъ.

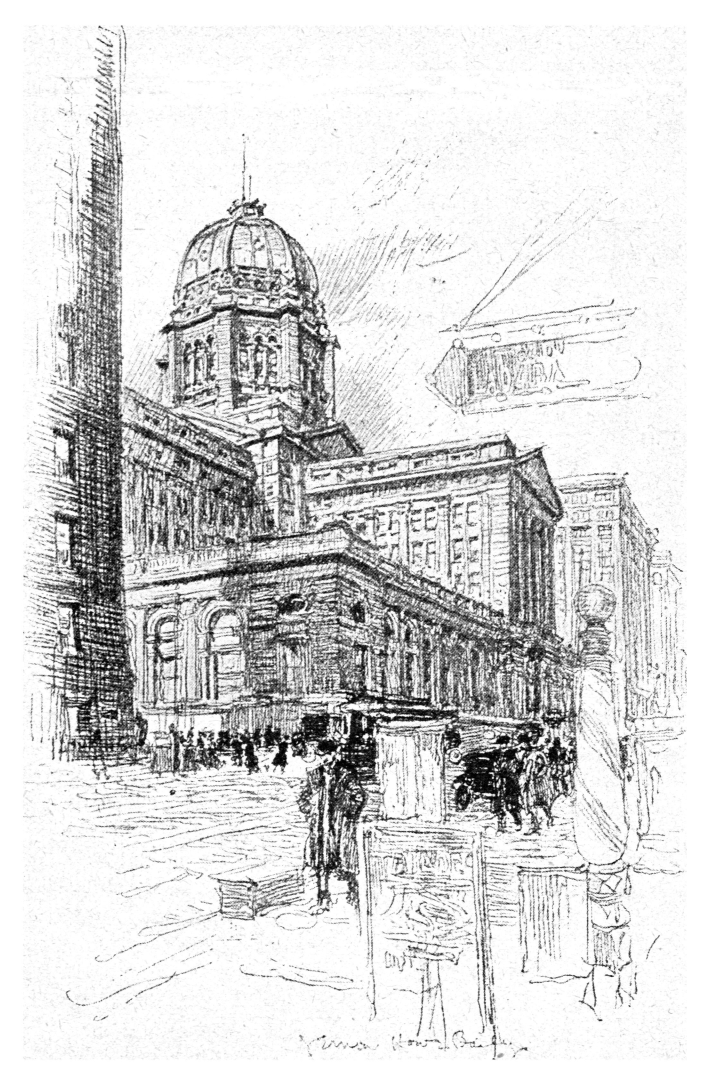
Здѣсь слѣдовало сходиться всѣмъ желѣзнодорожнымъ линіямъ, которыя должны были служить путями сообщенія между востокомъ и быстро преуспѣвающимъ сѣверо-западомъ, этой житницей страны. Нью-іоркскіе, бостонскіе и филадельфійскіе капиталисты, которымъ принадлежали акціи желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ въ Чикаго, широко открыли свои кошельки, и погорѣльцы принялись за работу съ творческой силой и энергіей, свойственными американскому народу.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершилось чудо, Фениксъ возсталъ изъ пепла и было пріобрѣтено мѣсто для громаднаго моря домовъ, которое теперь возбуждаетъ изумленіе, зависть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и восхищеніе у всякаго путешественника, одареннаго зоркими глазами и воспріимчивыми чувствами, который безъ предубѣжденія является въ міровой городъ, возникшій какъ бы по мановенію волшебнаго жезла на берегу озера Мичиганъ.

Съ справедливой гордостью можетъ смотрѣть житель Чикаго на свой городъ и на его произведенія во всѣхъ

Дѣловой кварталъ Чикаго, одинъ изъ многолюднѣйшихъ въ мірѣ.

Зданія почты и телеграфа, занимающія въ Чикаго цѣлый кварталъ.

областяхъ, и совершенно понятно, что, говоря о его преимуществахъ, онъ постоянно употребляетъ превосходныя степени.

Чикаго совершенно самостоятельный мірокъ. Онъ занимаетъ третье мѣсто среди міровыхъ городовъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ и по числу населенія и по богатству его превосходятъ только Лондонъ и Нью-Йоркъ. Парижъ и Берлинъ онъ уже опередилъ.

Насколько удалось выяснить съ помощью статистическихъ вычисленій, въ Чикаго говорятъ не меньше, какъ на 48 разныхъ языкахъ, но не діалектахъ. Это самый космополитичный городъ въ мірѣ; развѣ только Лондонъ могъ бы потягаться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Во время послѣдней народной переписи, произведенной въ 1900 г., число настоящихъ американцевъ составляло только 380.000 человѣкъ; кромѣ того, было 254.000 ирландцевъ, 167.000 поляковъ, 144.000 шведовъ, 59.000 норвежцевъ, 110.000 англичанъ и шотландцевъ и такъ далѣе.

Слѣдовательно, каждый, вновь прибывающій переселенецъ, откуда бы онъ ни явился, можетъ быть почти увѣренъ, что найдетъ въ Чикаго частицу своей родины.

Подобно Риму, Чикаго имѣетъ также двухъ отцовъ; его Ромуломъ и Ремомъ были Джонъ Кинци и Наѳанаилъ Попъ. Кинци былъ первымъ поселенцемъ на рѣкѣ Чикаго, а Попъ авторомъ союзнаго закона, благодаря которому возникъ Чикаго.

Когда въ 1818 г. территорію Иллинойсъ намѣревались включить въ число союзныхъ штатовъ, сѣверная граница штата была проведена въ 61 англійской милѣ къ югу отъ озера Мичиганъ и нигдѣ не примыкала къ нему. Попъ предложилъ на конгрессѣ отодвинуть границу къ озеру,

настоялъ на своемъ предложенiи, и береговая полоса, на которой возвышается теперь Чикаго, досталась штату Иллинойсъ, а не Висконсину, которому лишь въ 1836 г. были дарованы государственныя права.

Почти такое же важное значенiе имѣло то обстоятельство, что спустя десять лѣтъ Союзъ даровалъ штату Иллинойсъ узкую полосу земли для постройки канала Иллинойсъ-Мичиганъ, который долженъ былъ соединить рѣку Иллинойсъ, изливающую свои воды въ Миссисипи, съ рѣкою Чикаго, впадающею въ озеро Мичиганъ.

Въ теченiе столѣтiй уждотты, шауни, ирокезцы и другiя индѣйскiя племена перетаскивали свои берестовыя пироги черезъ полосы суши, раздѣляющiя эти двѣ рѣки, и послѣ нихъ Жолье, Марке, Геннепенъ, Лассаль и другiе французы дѣлали то же самое на пути изъ Канады во французскiя владѣнiя на рѣкѣ Миссисипи.

Въ 1803 г. надъ полоской земли, гдѣ лежитъ нынѣшнiй Чикаго, въ первый разъ развернулся американскiй флагъ, такъ какъ сюда внезапно явилась рота американской пѣхоты для постройки форта Деарборна. Но только около тридцати лѣтъ спустя, по окончанiи канала, былъ заложенъ нынѣшнiй Чикаго, имѣвшiй въ то время всего 500 жителей.

Каналъ содѣйствовалъ быстрому процвѣтанiю города. Онъ соединилъ большiя озера съ обширной рѣчной системой Миссисипи, съ запада и востока стекались люди и товары во вновь возникшую гавань, и маленькое торговое мѣстечко въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ превратилось въ мiровой городъ Чикаго.

Чикаго нельзя назвать красивымъ городомъ. При торопливости, съ какой приходилось до сей поры работать, имѣли въ виду только практичное и полезное, а заботу о красотѣ предоставляли позднѣйшему времени. Къ этому надо прибавить мѣстоположенiе. Береговая полоса озера Мичиганъ, на которой возвышается Чикаго, была отчасти болотомъ, отчасти прерiей, пересѣченной рѣкою Чикаго и Калуметъ, съ плоской, какъ токъ, поверхностью. Если бы не существовало озера, у блестящей водной поверхности котораго раскинулся городъ на протяженiи 41,5 километра, то онъ былъ бы лишенъ всякой живописности.

Въ кварталѣ виллъ, населенномъ миллiонерами Чикаго.

Городскiя улицы, имѣющiя по нѣскольку миль длины, такъ прямы, какъ будто проведены по линейкѣ, и теряются за чертою города среди полей, засаженныхъ капустой и картофелемъ.

Характерную черту города составляютъ его небоскребы, возвышающiеся на главныхъ улицахъ Сити-Стэтъ, Кларкъ, Медисонъ, Мичиганъ, Деарборнъ, Лассаля и Уэбешъ; ихъ башни и башенки окутаны однообразными сѣрыми облаками дыма, производящими въ этой части города вѣчныя сумерки, если ихъ не прогоняетъ сильный морской вѣтеръ. Къ этому присоединяется еще одна черта: огромныя крикливыя объявленiя разныхъ торговыхъ домовъ и другiя пестрыя, яркiя рекламы, покрывающiя сверху донизу стѣны домовъ и красующiяся даже на лѣстницахъ.

Рѣка Чикаго дѣлитъ городъ на три части: сѣверный, западный и южный Чикаго, и каждая изъ этихъ частей города имѣетъ свой характерный отпечатокъ. Сѣверный Чикаго представляетъ изъ себя элегантный, аристократическiй кварталъ, въ западномъ Чикаго живетъ среднее сословiе, а южный Чикаго является фабричнымъ кварталомъ и пристанищемъ мелкаго люда, но также и всякаго сброда, который послѣ всякаго злодѣянiя можетъ безслѣдно исчезнуть въ темныхъ переулкахъ, куда ночью не рѣшится заглянуть даже полицейскiй, не говоря уже о хорошо одѣтомъ обывателѣ.

Если пройти съ сѣвера черезъ всю улицу Кларкъ, для чего потребуется добрыхъ два часа, то по выходѣ изъ Сити становится замѣтной рѣзкая разница. Дома становятся меньше и невзрачнѣе, и если кое-гдѣ еще возвышается небоскребъ, то стѣны его обнажены и лишены украшенiй, а въ скоромъ времени появляются типичные американскiе деревянные дома, за которыми тянутся длинные фабричные корпуса и товарные склады. Мостовая становится все хуже и выбоистѣе и, наконецъ, совсѣмъ прекращается, и тротуары состоятъ изъ досокъ и имѣютъ около фута вышины, и кто отваживается проходить по нимъ въ темнотѣ, тотъ попадаетъ въ канаву, съ каждой стороны окаймляющую улицу.

Совершенно другую картину представляетъ сѣверный кварталъ. Здѣсь улицы красивы и нарядны, тротуары состоятъ изъ гранита или мозаики, съ обѣихъ сторонъ окаймлены полосками дёрна, мостовая асфальтовая, пересѣченная посрединѣ аллеей для гулянья, обсаженной прекрасными, высокими, тѣнистыми деревьями.

Здѣсь господствуетъ безупречная чистота даже по европейскимъ понятiямъ. Широкiя, вымощенныя каменными плитами дорожки идутъ отъ тротуара черезъ маленькiе палисадники къ бѣлоснѣжнымъ мраморнымъ ступенямъ, ведущимъ внутрь живописныхъ, со вкусомъ отдѣланныхъ виллъ. Каждый домъ окруженъ широкой, просторной верандой, обставленной несмѣтнымъ множествомъ прелестной мебели, состоящей, главнымъ образомъ, изъ комфортабельныхъ креселъ и стульевъ.

Виллы эти не только сами по себѣ великолѣпны, но и обставлены и убраны съ тончайшимъ вкусомъ; несмотря на свою кажущуюся миніатюрность, онѣ гораздо помѣстительнѣе англiйскихъ коттеджей.

Самыя прекрасныя изъ этихъ виллъ находятся на „Лекъ Шоръ Драйвъ“, превосходной проѣзжей дорогѣ для роскошныхъ экипажей, которая идетъ по берегу озера до Линкольнъ Парка, занимающаго 300 акровъ пространства.

Съ южной стороны на берегу озера лежитъ обширный Джексонъ Паркъ, гдѣ въ 1893 г. помѣщалась всемiрная выставка. Почти всѣ выставочныя зданiя были въ то время сломаны. Уцѣлѣли лишь искусственныя озерки и лагуны съ красивыми мостиками и нарядными гондолами, которыя теперь, конечно, все больше вытѣсняютъ электрическiя моторныя лодки.

Вмѣстѣ съ городскими площадями, усаженными роскошной зеленью, въ Чикаго насчитывается 78 парковъ, занимающихъ въ общей сложности 2230 акровъ пространства. Они со всѣхъ сторонъ окружаютъ городъ и вмѣстѣ съ

соединяющими ихъ бульварами содержатъ проѣзжую дорогу, въ которой больше 100 километровъ длины.

Нельзя говорить о Чикаго, не упомянувъ о рѣкѣ Чикаго. Кто видѣлъ рѣку, служившую прежде городу не только гаванью, но и клоакой, и безъ ската впадающую въ озеро, и слышалъ несущійся съ нея запахъ, тотъ никогда въ жизни не забудетъ испытанныхъ ощущеній.

Въ концѣ-концовъ вознамѣрились „повернуть рѣку", т.-е. углубить ея верхнее теченіе, такъ чтобы вода озера могла течь въ нее, вмѣсто обратнаго направленія, соединить ее каналомъ съ Деплеиомъ и, такимъ образомъ, съ Иллинойсомъ, а, въ концѣ-концовъ, и съ Миссисипи.

Несмотря на все сопротивленіе другихъ городовъ, смущенныхъ этимъ проектомъ, Чикаго исполнилъ свое намѣреніе, такъ какъ оказалось, что опасенія, будто рѣки могутъ отъ этого загрязниться, были неосновательны.

Теперь озеро Мичиганъ соединено съ Миссисипи, и по каналу уже плаваютъ небольшіе пароходы, доходящіе до Новаго Орлеана. Когда Иллинойсъ и Миссисипи при помощи углубленія и устройства плотинъ достигнутъ достаточной глубины для болѣе крупныхъ пароходовъ, то пароходство по Миссисипи, находящееся теперь въ сильномъ упадкѣ, окрѣпнетъ и разовьется.

Но безъ озера Мичиганъ не было бы и Чикаго. Ему городъ обязанъ своимъ величіемъ и былъ бы безъ него безотраднымъ пустыннымъ моремъ домовъ. Оно является элементомъ, обѣщающимъ и дающимъ отраду въ душные, жаркіе лѣтніе дни, и видъ съ башни водокачки на обширную, зеленовато-синюю водную поверхность, испещренную безчисленными бѣлыми парусами и множествомъ пароходовъ, навсегда остается въ памяти у всякаго.

○ ○ ○ РАБОЧІЕ-ИЗОБРѢТАТЕЛИ. ○ ○ ○

Очеркъ П. Белленца.

Недавно одинъ наборщикъ, Моро, придумалъ механизмъ, посредствомъ котораго устанавливается автоматическое равновѣсіе аэроплана. Опыты, произведенные съ механизмомъ подъ наблюденіемъ инспектора военнаго воздушнаго флота Италіи, показали полную пригодность прибора.

Этотъ случай приводитъ на память много другихъ, когда открытія весьма важныя приписываются преданіемъ—въ основаніи котораго всегда есть что-нибудь реальное — людямъ непросвѣщеннымъ и несвѣдущимъ.

Стоитъ припомнить земной магнетизмъ, открытый, по свидѣтельству Плинія, пастухомъ, замѣтившимъ однажды, что гвозди его сандалій и желѣзный наконечникъ палки съ трудомъ отдѣляются отъ земли.

Одно изъ наиболѣе полезныхъ открытій приписывается женѣ рыбака въ мѣстечкѣ Савона, на берегу Лигурійскаго моря. Однажды она стирала на суднѣ, везшемъ грузъ оливковаго масла, бѣлье матросовъ, пропитавшееся масломъ, и налила содовый растворъ, которымъ стирала, на бѣлье, смоченное кипяткомъ. Масло, соединившись съ содой, превратилось въ мыло.

Другая женщина, старая экономка братьевъ Монгольфье, способствовала открытію, носящему ихъ имя. Они дѣлали попытки надуть шаръ, но безуспѣшно. Причиной того была отдаленность огня, горѣвшаго въ жестяномъ сосудѣ на землѣ. Экономка, смотрѣвшая на ихъ безплодныя усилія, посовѣтовала имъ приблизить сосудъ къ шару.

„Старуха эта заслуживаетъ безсмертной славы,—замѣчаетъ одинъ изъ исторіографовъ воздухоплаванія, — благодаря мысли, пришедшей ей въ голову, первый шаръ поднялся на воздухъ. Однако имя старухи потеряно для исторіи".

Наоборотъ, о англійскомъ мальчикѣ Хелфрей Поттерѣ исторія знаетъ не много больше его имени. А между тѣмъ ему обязаны важными нововведеніями въ области паровыхъ машинъ. Онъ былъ занятъ своимъ дѣломъ открыванія и закрыванія крановъ, впускавшихъ паръ и воду, когда услыхалъ веселые возгласы товарищей, игравшихъ на дворѣ, и ему ужасно захотѣлось присоединиться къ нимъ. Но оставить свое дѣло у машины никакъ нельзя... Вдругъ вниманіе мальчика привлекло къ себѣ обстоятельство, котораго онъ до тѣхъ поръ не замѣчалъ, а именно, что между положеніемъ крановъ и балансировъ существуетъ соотношеніе, и что, когда послѣдніе начинаютъ свое круговое движеніе, первые открываются; когда же кругъ законченъ, то краны должны закрываться. Мальчикъ веревочкой привязалъ ручки крановъ къ балансирамъ и увидалъ, что краны стали открываться и закрываться автоматически; онъ могъ убѣжать и играть съ товарищами. Этотъ фактъ и имя мальчика Графиньи сообщаетъ въ своей книгѣ „Les moteurs".

Небрежность рабочаго на одной бумажной фабрикѣ въ Беркширѣ (Англія) повела къ изобрѣтенію пропускной бумаги. Рабочій забылъ прибавить къ бумажной массѣ клею. Хозяинъ разбранилъ рабочаго, но черезъ нѣсколько времени оказалось, что полученная такимъ образомъ бумага имѣетъ способность впитывать въ себя влагу и чернила, не оставляя пятенъ. Скоро на этой фабрикѣ стали исключительно выдѣлывать одну пропускную бумагу, замѣнившую песокъ, которымъ до тѣхъ поръ засыпали написанное.

Пастухъ замѣтилъ, что наконечникъ его палки съ трудомъ отдѣляется отъ земли.

Масло, соединившись съ содой, превратилось въ мыло.

Точно такъ же ошибкѣ механика обязаны однимъ изъ важнѣйшихъ открытій прошедшаго вѣка. Этотъ механикъ, состоявшій при Вѣнской всемірной выставкѣ 1873 г., вмѣсто того, чтобы соединить динамо-машину съ свободнымъ приборомъ, соединилъ ее съ приборомъ, гдѣ уже проходилъ токъ и такимъ образомъ была установлена возможность превращенія динамо-машины, посредствомъ постояннаго тока въ электродвигатель.

Съ этого времени началось возникновеніе большихъ промышленныхъ и экономическихъ предпріятій, характеризующихъ конецъ XIX вѣка, такъ какъ было найдено рѣшеніе задачи, надъ которой тщетно бились болѣе полвѣка —передачи электрической силы на большое разстояніе.

Но чаще открытіе совершалось не только вслѣдствіе ошибки, но благодаря наблюдательности рабочаго.

Въ 1811 г. нѣкто Куртуа, парижскій торговецъ москательнымъ товаромъ, замѣтилъ въ пеплѣ морскихъ растеній темноватое вещество, разъѣдавшее котелъ. То былъ іодъ. Куртуа показалъ это вещество химику Клеману, и тотъ 20 ноября 1813 г. сдѣлалъ въ Академіи наукъ докладъ о результатахъ своихъ наблюденій, однако не рѣшаясь еще представить открытое имъ вещество какъ простое тѣло.

Это было сдѣлано позднѣе Гей-Люссакомъ, а иные говорятъ, Дави.

Такъ же было открыто другое вещество, весьма важное въ промышленности,—синяя краска, называемая „берлинской лазурью".

Въ 1710 г. нѣкто Дисбахъ, берлинскій фабрикантъ красокъ, купилъ у Диппеля, фабриканта химическихъ продуктовъ—давшаго свое имя животному маслу—альбумина и зеленаго купороса для приготовленія кошенильнаго раствора. Каково было его изумленіе, когда вмѣсто осадка кошенили онъ получилъ порошокъ прекраснаго синяго цвѣта.

Онъ сообщилъ о своемъ открытіи Диппелю, и тотъ вспомнилъ, что данный имъ порошокъ былъ кальцинированъ съ кровью и служилъ для приготовленія животнаго масла. До 1724 г. открытіе держалось въ секретѣ, но затѣмъ эта краска вошла во всеобщее употребленіе. Пеферъ, разсказывающій это, вспоминаетъ при этомъ случаѣ объ открытіи кобальтовой лазури, которую венеціанцы и голландцы стали употреблять въ живописи по стеклу. Она была открыта Христофоромъ Шюреромъ, случайно сплавившимъ со стекломъ кобальтъ, до тѣхъ поръ отбрасывавшійся, какъ ненужный отбросъ.

Одинъ стекольщикъ въ Нюренбергѣ, увидавъ, что капля азотной кислоты, случайно упавшая на его очки, разъѣла стекло, подумалъ, что эта жидкость дастъ возможность гравировки по стеклу. Онъ нарисовалъ на стеклѣ рисунокъ лакомъ, примѣнилъ жидкость и снялъ стекло по контуру.

Рисунокъ получился совершенно ясный. Такимъ образомъ найдена была гравировка по стеклу.

Другой рабочій уронилъ мѣдныя опилки въ стеклянный сплавъ, и когда послѣдній остылъ, увидалъ, что онъ пріобрѣлъ очень пріятный видъ, подходящій для приготовленія различныхъ бездѣлушекъ.—Такъ стали дѣлать цвѣтное стекло.

Еще одинъ, Зеппенфельдеръ, служившій сначала хористомъ въ театрѣ Монако, затѣмъ безработный, наконецъ переписчикъ партитуръ, придумывая способъ облегчить себѣ работу, въ концѣ-концовъ, открылъ литографію.

Замѣчательна также исторія открытія чистаго каолина, внесшаго большое усовершенствованіе въ приготовленіе фарфора. Этимъ открытіемъ обязаны нѣмецкому алхимику Іоанну Фридриху Беттихеру, которому, впрочемъ, помогъ его слуга и одинъ кузнецъ. Слуга Беттихера купилъ для своего господина пудры — дѣло происходило въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ эпоху париковъ, — и, найдя свертокъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ обыкновенно, сообщилъ о томъ Беттихеру. Тотъ сталъ разслѣдовать, въ чемъ дѣло, и узналъ, что недавно одинъ кузнецъ, упавъ съ лошади въ окрестностяхъ города (Дрездена) на грязную дорогу, замѣтилъ, что грязь, приставшая къ платью, высохши, превратилась въ тонкій, бѣлый, мягкій порошокъ. Онъ подумалъ, что этотъ порошокъ можетъ замѣнить болѣе дорогую пшеничную муку для пудренія париковъ и сталъ продавать его для этой цѣли.

Сдѣлавъ анализъ порошка, Беттихеръ нашелъ, что это чистая бѣлая глина—каолинъ, и послѣ того онъ забросилъ свои алхимическіе эксперименты и, сохраняя секретъ, занялся изготовленіемъ посуды — знаменитаго дрезденскаго фарфора,—скоро обогатившимъ изобрѣтателя.

Важныя въ ткацкомъ дѣлѣ изобрѣтенія, отмѣтившія эпоху въ ткацкомъ и ковровомъ производствѣ, сдѣланы въ концѣ XVIII вѣка двумя рабочими Харгревомъ и Аркрейтомъ. Одинъ изъ нихъ былъ ткачъ, другой — цирюльникъ.

Крайне интересно, какъ затруднительное положеніе садовника повело къ открытію... барометра и къ разрушенію вѣкового заблужденія.

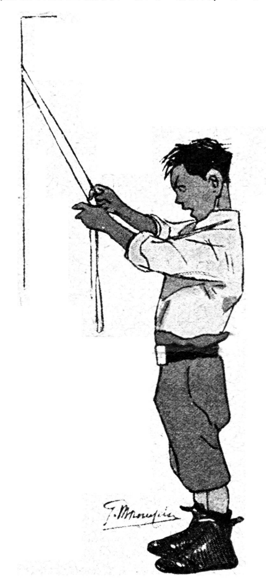
До Галилея считалось, что воздухъ не имѣетъ тяжести, и нѣкоторыя явленія—какъ напримѣръ, поднятіе воды въ насосѣ—приписывались „боязни природой пустоты". Одинъ флорентинскій садоводъ, устроившій насосъ длиннѣе обыкновеннаго, съ удивленіемъ замѣтилъ, что вода не поднималась въ немъ выше 32 футовъ, несмотря на всѣ усилія заставить ее подняться выше. Онъ обратился за объясненіемъ къ Галилею, но тотъ, скрывая собственное изумленіе, отвѣтилъ, что „природа боится пустоты только до 32 футовъ". Однако онъ самъ началъ рядъ опытовъ и нашелъ дѣйствительную причину явленія, которое впослѣдствіи было окончательно выяснено Торичелли и Вивіани.

Флорентинскій садовникъ устроилъ насосъ длиннѣе обыкновеннаго.

Тотъ же Галилей, говоря о сдѣланномъ имъ открытіи подзорной трубы, упоминаетъ, что имѣлъ въ немъ предшественника: „Голландецъ, первый изобрѣтатель телескопа, былъ простымъ оптикомъ, изготовлявшимъ очки. Однажды, разсматривая различныя стекла, онъ какъ-то случайно сталъ смотрѣть черезъ два стекла, изъ которыхъ одно было выпуклое, а другое вогнутое, и которыя находились на различномъ разстояніи отъ глаза. Происходящія при томъ явленія обратили на себя его вниманіе, и инструментъ былъ открытъ".

А вотъ примѣръ изъ времени самаго близкаго намъ. Маркони обязанъ отчасти открытіемъ, прославившимъ его имя, звонарямъ!

Мальчикъ привязалъ ручки крановъ къ балансирамъ.

Въ своей достопамятной лекціи, прочитанной въ Римѣ 7 мая 1903 г., сказавъ, что „безпроволочный телеграфъ—простой результатъ наблюденій и примѣненія средствъ, служащихъ природѣ для передачи тепла, свѣта, магнетизма въ пространствѣ", Маркони прибавилъ по поводу своихъ первыхъ опытовъ: „Вѣроятнѣе всего, механика, которая могла оказаться пригодной для пользованія электрической энергіей, распространяемой передаточными аппаратами, пришла мнѣ въ голову при наблюденіи надъ распространеніемъ звука большихъ колоколовъ нашей церкви, веревки отъ которыхъ приводятся въ движеніе находящимися внизу звонарями".

Вышеупомянутый Графиньи говоритъ, что мы обязаны большимъ числомъ улучшеній въ различныхъ производствахъ инціативѣ простыхъ рабочихъ. И въ Америкѣ, странѣ по преимуществу практической, многія промышленныя фирмы учреждаютъ преміи для рабочихъ, которые изобрѣтутъ или укажутъ на улучшенные способы производства или орудій его. Результаты получаются цѣнные".

Такимъ образомъ въ обширной и плодоносной области наукѣ нѣтъ члена, какъ бы онъ ни былъ невиденъ по своему положенію, и на какой бы низкой ступени ни стоялъ, который не былъ бы въ состояніи содѣйствовать расширенію и славѣ этой области. Тутъ находится дѣло и работнику, и работницѣ, и подростку. Справедливы слова французскаго поэта де Мюссэ: „Слушаешь, ждешь, какъ будто кто-то неизвѣстный на ухо тебѣ нашептываетъ что-то".

Стекольщикъ увидалъ, что капля азотной кислоты разъѣла очки.

И правда, голосъ, наводящій на мысль, вдругъ просвѣтляющій сознаніе, указывающій—голосъ „неизвѣстнаго", таящійся гдѣ-то глубоко въ нашей душѣ. А. Г.

Пастеровскій Институтъ въ Парижѣ.

(Корреспонденція изъ Парижа).

Среди многочисленныхъ научныхъ учрежденій Парижа Пастеровскій Институтъ пользуется особенной популярностью и извѣстностью. Этотъ Институтъ представляетъ дѣйствительно замѣчательное и въ высшей степени полезное учрежденіе, онъ является перворазряднымъ очагомъ научной мысли, гдѣ за четверть вѣка его существованія родилось много научныхъ открытій, оказавшихъ неоцѣнимую службу всему человѣчеству.

Это учрежденіе замѣчательно еще тѣмъ, что воздвигнуто оно по частной иниціативѣ одного лица и построено исключительно на средства, собранныя по добровольной подпискѣ.

Пастеровскій Институтъ въ Парижѣ возникъ по мысли великаго французскаго ученаго Луи Пастера, „отца бактеріологіи", знаменитаго ученаго, освѣтившаго своими изслѣдованіями міръ такъ называемыхъ „безконечно малыхъ".

Пастеръ еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія мечталъ основать научное учрежденіе, гдѣ онъ могъ бы вполнѣ свободно и независимо производить свои наблюденія и изслѣдованія надъ жизнью микробовъ и бактерій и производить въ этой области научные опыты. Но эту мысль ему пришлось лелѣять слишкомъ двадцать лѣтъ.

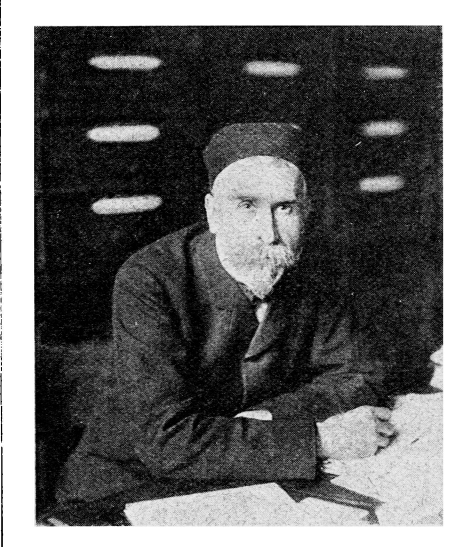
Только въ 1885 году, когда Пастеру удалось открыть микробъ собачьяго бѣшенства, или водобоязни, и благодаря упорному труду посчастливилось найти предохранительную прививку противъ этой страшной и считавшейся неизлѣчимой до этого времени болѣзни, желаніе Пастера приблизилось къ осуществленію. Насколько было благодѣтельно для людей это открытіе Пастера, говоритъ тотъ фактъ, что Пастеръ за первый годъ своего открытія сдѣлалъ такія прививки 2682 лицамъ, укушеннымъ бѣшеными животными, и изъ этихъ лицъ умерло лишь только 31 человѣкъ, тогда какъ ранѣе отъ бѣшенства умирали неминуемо всѣ.

Благодаря открытію прививки противъ водобоязни, имя Пастера облетѣло весь міръ. Тогда Пастеръ снова высказалъ свою мысль о необходимости созданія особаго института и на этотъ разъ его желаніе осуществилось.

По иниціативѣ французской Академіи Наукъ была открыта международная подписка на

ПАСТЕРОВСКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

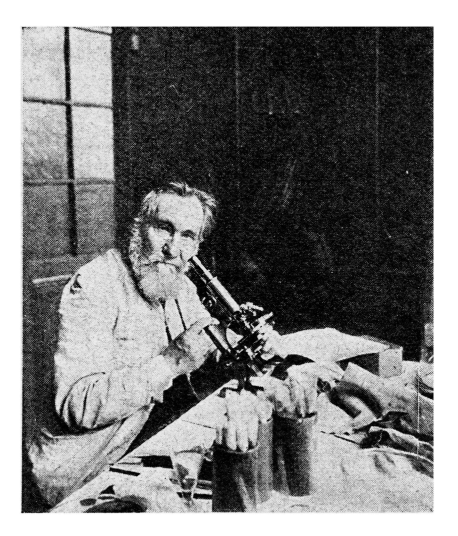
(По поводу 25-лѣтія со дня основанія).

Профессоръ Ру.

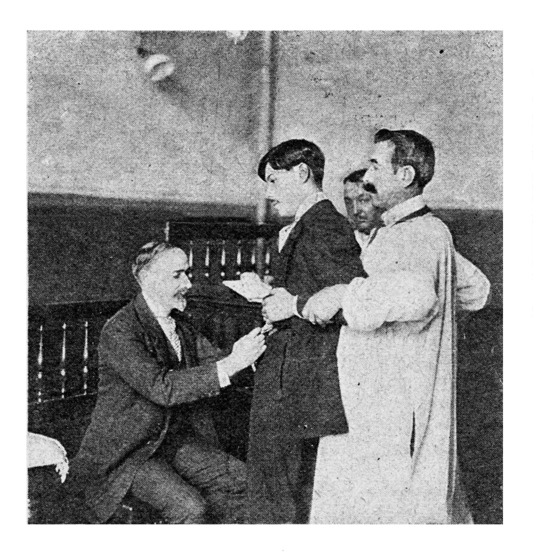
Луи Пастеръ, основатель института.

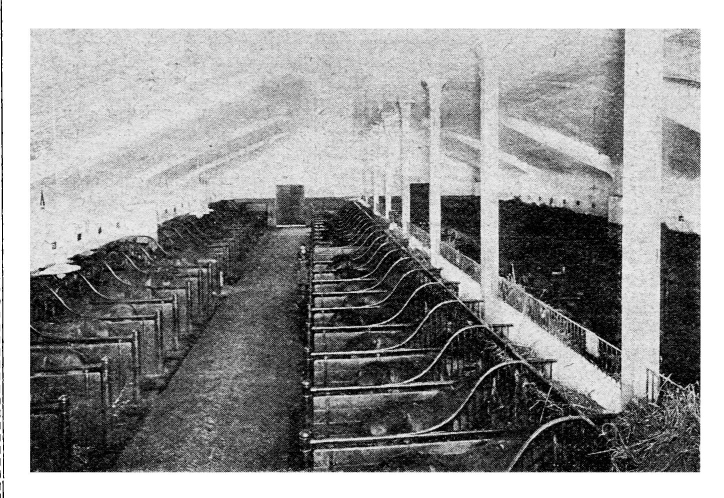
Проф. И. И. Мечниковъ.

Зданіе Пастеровскаго института.

Впрыскиваніе сыворотки укушенному бѣшеной собакой.

Внутренній видъ конюшенъ.

Помѣщеніе для морскихъ свинокъ.

учрежденіе Института Пастера для производства наблюденій и опытовъ надъ бѣшеными животными и для предохранительныхъ прививокъ.

Интересъ къ открытію Пастера былъ настолько великъ, что въ нѣсколько мѣсяцевъ было собрано 2.586.680 франковъ, (то-есть приблизительно около миллиона рублей на русскія деньги.) Вскорѣ былъ купленъ въ Парижѣ участокъ земли въ 11000 квадр. метровъ на улицѣ Дюто и было приступлено къ постройкѣ зданій Института. Къ осени 1888 г. постройка была уже закончена и $^1/_{14}$ ноября 1888 г. состоялось торжественное открытіе Института, на которомъ присутствовалъ президентъ французской республики.

При открытіи Института Пастеръ, глубоко взволнованный, отвѣчая на привѣтствія, выяснилъ цѣль и задачи новаго учрежденія и сказалъ:

„Предчувствуя громадную пользу для людей отъ предохранительныхъ прививокъ, я обратился непосредственно къ моей странѣ, изъявляя ей свое желаніе работать на пользу людей въ собственной лабораторіи, гдѣ производились бы не только предохранительныя прививки противъ бѣшенства, но также изучались бы всѣ заразныя болѣзни. Франція сразу откликнулась на мой призывъ и къ намъ щедро посыпались пожертвованія со всѣхъ сторонъ.. Благодаря этой помощи, воздвигнуто настоящее зданіе; въ немъ нѣтъ ни одного кирпича, который не былъ бы матеріальнымъ знакомъ великодушнаго порыва“...

Благодаря всѣхъ жертвователей за ихъ помощь, Пастеръ съ грустью констатировалъ то, что онъ входитъ въ этотъ домъ научной мысли „побѣжденный временемъ“, онъ выразилъ надежду, что его дѣло не погибнетъ и, обращаясь къ своимъ сотрудникамъ и ученикамъ, просилъ ихъ слѣдовать тѣмъ научнымъ принципамъ, которыми руководился онъ.

Свою рѣчь великій ученый закончилъ слѣдующими словами: „да будетъ мнѣ позволено закончить слѣдующей мыслью, которая вызвана присутствіемъ въ этой залѣ труда президента республики... Мнѣ хотѣлось бы указать всѣмъ вамъ на тотъ фактъ, что въ мірѣ борются между собою два закона: законъ крови и смерти, защитники котораго каждый день придумываютъ все новыя и новыя средства борьбы и убійства, и другой законъ — законъ мира и труда, приверженцы котораго мечтаютъ объ освобожденіи человѣка отъ всѣхъ золъ.

„Законъ смерти и вражды заставляетъ всѣ современные народы быть постоянно готовыми къ братоубійственной борьбѣ. Въ силу его люди стремятся къ насильственнымъ завоеваніямъ и въ жертву ему принсятся сотни тысячъ человѣческихъ жизней.

„Законъ же мира и труда—человѣческую жизнь ставитъ выше всего и призываетъ людей къ облегченію человѣческой жизни. Мы—послѣдователи этого второго закона и стараемся всѣми силами облегчить человѣческую жизнь.

„Часто я задаю себѣ вопросъ: какой изъ этихъ двухъ законовъ восторжествуетъ на землѣ? Но положительно отвѣтить на это никто не можетъ. Можно сказать съ увѣренностью лишь то, что французская наука, подчиняясь закону человѣчности, будетъ стремиться отодвинуть какъ можно дальше границы жизни“.

Ученики и послѣдователи Пастера свято хранили завѣты своего учителя и Пастеровскій Институтъ выдвинулъ на научное поприще много безкорыстныхъ и талантливыхъ ученыхъ тружениковъ. Въ его стѣнахъ совершается дружная и самоотверженная научная работа на пользу человѣчества.

Самъ Институтъ состоитъ изъ двухъ главныхъ зданій въ три этажа. Первоначально Институтъ состоялъ изъ бактеріологической лабораторіи, библіотеки, нѣсколькихъ кабинетовъ для занятій и помѣщеній для самого Пастера.

Позднѣе къ этому были прибавлены Институтъ серотерапіи и Институтъ біологической химіи. Въ настоящее время бактеріологическій Институтъ имѣетъ четыре отдѣленія: отдѣленіе прививокъ, отдѣленіе водобоязни, микробіологическое отдѣленіе и спеціальное отдѣленіе Мечникова.

Отдѣленіе водобоязни помѣщается въ первомъ этажѣ и занимаетъ нѣсколько большихъ залъ, предназначенныхъ для ожиданія публики, для пріема больныхъ и для производства прививокъ.

Въ первомъ же этажѣ находятся аудиторія, гдѣ читаются курсы по бактеріологіи и микробіологіи и т. п. Здѣсь же находится большая лабораторія для разведенія различныхъ бациллъ и зала для трупосѣченія.

Второй этажъ предназначенъ для чтенія спеціальныхъ курсовъ по микробіологіи, а въ третьемъ находятся кабинеты для занятій студентовъ и врачей, оставленныхъ при Институтѣ.

Въ настоящее время директоромъ Пастеровскаго Института состоитъ докторъ Ру, открывшій противодифтеритную сыворотку. Его помощникъ — нашъ знаменитый ученый Илья Ильичъ Мечниковъ, извѣстный творецъ теоріи фагоцитоза и изслѣдователь микробовъ кишечника человѣка.

Подъ руководствомъ этихъ двухъ свѣтилъ науки въ Институтѣ работаетъ цѣлый рядъ ученыхъ и врачей. Институтъ посылаетъ своихъ членовъ для изученія заразныхъ бо-

ПЕРВЫЙ СОБИРАТЕЛЬ РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗАНІЙ— И. П. САХАРОВЪ.

(По поводу 50-лѣтія со дня его смерти † 24 августа 1863 г.).

Иванъ Петровичъ Сахаровъ, родившійся 29 августа 1807 г., является первымъ русскимъ этнографомъ и собирателемъ народныхъ сказаній. Его книга «Сказанія русскаго народа», вышедшая въ 1836 году,—представляетъ первую попытку изображенія русской народной жизни *по живымъ источникамъ*.

Сахаровъ первый понялъ важность записыванія и изученія народныхъ сказаній, повѣрій и обычаевъ. Одинъ изъ первыхъ онъ предпринялъ изслѣдованіе народной жизни и въ поискахъ за народными сказаніями исколесилъ почти всю родную страну отъ сѣвера до юга.

Неутомимый изслѣдователь русской народной жизни и памятниковъ русской старины, Сахаровъ посвятилъ всю свою жизнь на изученіе всѣхъ сторонъ жизни русскаго народа и расчистилъ и указалъ путь позднѣйшимъ изслѣдователямъ.

И. П. Сахаровъ родился въ Тулѣ, въ семьѣ священника. Отецъ готовилъ его къ духовному званію, но Сахаровъ, по окончаніи семинаріи, поступилъ въ 1830 г. въ Московскій университетъ на медицинскій факультетъ.

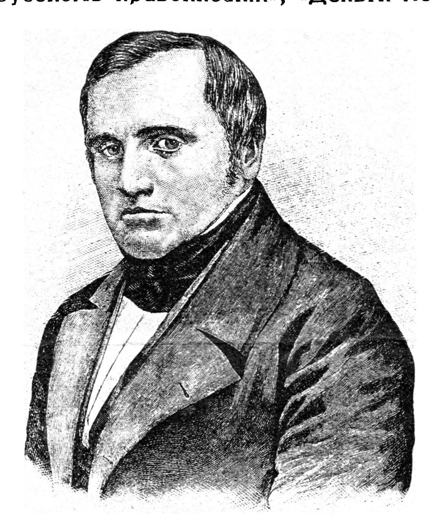
Но, изучая медицинскія науки, Сахаровъ интересовался особенно сильно русской исторіей. Подъ вліяніемъ чтенія исторіи Карамзина у него зародилось желаніе узнать, какъ жили наши предки. Однако чтеніе книгъ по исторіи не давало ему удовлетворенія, и онъ, посѣтивъ разъ одну старинную тульскую церковь, понялъ, что «древности надо изучать по наличнымъ памятникамъ въ архивахъ, а не въ новыхъ книгахъ».

Съ этого времени Сахаровъ начинаетъ усердно заниматься по археологіи и пробуетъ описывать «старый бытъ».

Окончивъ въ 1835 г. университетъ и получивъ званіе лѣкаря перваго отдѣленія, Сахаровъ былъ назначенъ врачомъ петербургской почтамтской больницы, гдѣ прослужилъ до 1856 г., посвящая все свое свободное время работамъ по этнографіи и археологіи.

Въ 1836 г. Сахаровъ издалъ первую часть своего сочиненія «Сказанія русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ». Эта книга была встрѣчена большинствомъ представителей офиціальной науки того времени враждебно и только заступничество за книгу князя Голицына, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, спасло книгу Сахарова отъ запрещенія. Голицынъ лично представилъ эту книгу императору Николаю Первому и разъяснилъ все значеніе трудовъ Сахарова.

Только послѣ этого Сахарову была предоставлена свобода печатать свои дальнѣйшіе труды, среди которыхъ наиболѣе цѣнными являются: «Записки русскихъ людей», «Русскія народныя сказки», «Лѣтопись русской нумизматики», «Изслѣдованія о русскомъ правописаніи», «Деньги московскихъ удѣльныхъ князей», «Обозрѣніе славяно-русской библіографіи» и друг.

И. П. Сахаровъ.

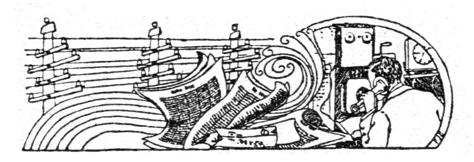
Кромѣ этихъ отдѣльныхъ изданій, Сахаровъ много писалъ статей по археологіи и этнографіи въ различныхъ журналахъ. Онъ состоялъ до конца своей жизни дѣятельнымъ членомъ Археологическаго и Географическаго обществъ и подъ его вліяніемъ образовалась цѣлая школа ученыхъ, занявшихся изслѣдованіемъ и записываніемъ русскихъ народныхъ повѣрій, сказокъ, легендъ, обычаевъ и т. п.

Умеръ Сахаровъ 24 августа 1863 г. въ своей новгородской усадьбѣ Зарѣчье, Валдайскаго уѣзда. Въ послѣдніе годы своей жизни Сахаровъ, выйдя въ отставку, предпринялъ научное путешествіе по сѣверу Россіи, гдѣ собралъ богатый этнографическій матеріалъ, который, однако, онъ уже не успѣлъ обработать.

Л.

лѣзней въ очаги эпидемій, чтобы на мѣстѣ лучше изучить причины этихъ повальныхъ болѣзней.

Пастеровскій Институтъ, какъ учрежденіе, посвященное изученію микробіологіи и какъ спеціальное учрежденіе для предохранительныхъ прививокъ противъ бѣшенства, послужилъ образцомъ для созданія подобныхъ же заведеній въ другихъ странахъ. Въ настоящее время всѣ цивилизованныя страны имѣютъ свои пастеровскіе институты, гдѣ производятся предохранительныя прививки. Благодаря такимъ институтамъ, излѣчиваются десятки тысячъ больныхъ. Н. Л.

ОБО ВСЕМЪ И ОТОВСЮДУ.

Говорящіе часы. Недавно въ Вѣнѣ фабрика часовъ выпустила въ продажу „говорящіе" часы. Эти часы представляютъ обыкновенные стѣнные часы, но вмѣсто боя эти часы громкимъ человѣческимъ голосомъ выкрикиваютъ время, напримѣръ, „десять часовъ", „три часа съ четвертью", „шесть часовъ съ половиной" и т. д.

На первый взглядъ эти „говорящіе" часы кажутся необъяснимой загадкой, но весь секретъ заключается въ томъ, что внутри часовъ помѣщается фонографъ съ вращающейся лентой, на которой „напѣты" названія часовъ. Фонографъ входитъ въ соприкосновеніе съ часовымъ механизмомъ и какъ только стрѣлки показываютъ какой-либо часъ, а также по прошествіи каждаго получаса и четверти часа фонографъ приводится въ движеніе и часы „выкрикиваютъ" время. Л.

Городъ, гдѣ солнце заходитъ дважды въ день. Необычайное явленіе двойного заката солнца въ одинъ и тотъ же день наблюдается въ небольшомъ англійскомъ городкѣ Ликѣ, находящемся въ графствѣ Стаффордъ.

Городъ Ликъ лежитъ въ котловинѣ и окруженъ съ западной стороны высокими горами. Эти горы страшно изрыты водой, которая въ одномъ мѣстѣ промыла огромный туннель, и вотъ въ нѣкоторые дни солнце садится какъ разъ противъ этого туннеля, и тогда въ городѣ наблюдается двойной закатъ солнца. Первый разъ солнце скрывается за гребень горы. Въ городѣ наступаютъ сумерки. Но, спустя нѣсколько минутъ, наступленіе ночи пріостанавливается, становится даже свѣтлѣе и вдругъ въ отверстіе горы показывается заходящее солнце. Городъ снова на нѣсколько минутъ озаряется лучами солнца, которое скоро скрывается за горизонтомъ.

Такимъ образомъ, жители города Лика наблюдаютъ двойной закатъ солнца. Н. Л.

Комнатные муравейники. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—страна, гдѣ рождаются самыя эксцентричныя и оригинальныя моды. Одной изъ послѣднихъ такихъ модъ является разведеніе въ комнатахъ различныхъ насѣкомыхъ. Многія жены нью-йоркскихъ богачей, начитавшись увлекательныхъ сочиненій о жизни насѣкомыхъ французскаго энтомолога Фабра, начали заводить въ своихъ салонахъ стеклянные ящики съ священными жуками, скорпіонами и другими насѣкомыми.

Въ послѣднее время среди богатаго американскаго общества стала распространяться мода на устройство комнатныхъ муравейниковъ. Эта мода находитъ себѣ подражаніе и въ Европѣ. Въ Парижѣ и Лондонѣ богатыя дамы также начинаютъ заводить комнатные муравейники.

Комнатный муравейникъ представляетъ небольшой ящикъ съ стеклянной крышкой, черезъ которую можно наблюдать всю жизнь муравейника. Чтобы лучше видѣть муравьевъ, къ муравейнику придѣлано особое увеличительное стекло. Н. Л.

Кости Колумба. Правительство Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки проектируетъ на первомъ суднѣ, которое пройдетъ черезъ Панамскій каналъ, доставить изъ Атлантическаго океана въ Великій смертные останки Христофора Колумба.

Исторія съ останками знаменитаго путешественника имѣетъ свою исторію.

Наканунѣ своей смерти въ Валадолидѣ, въ Испаніи, 20 мая 1506 года, Колумбъ добавилъ одинъ пунктъ къ своему духовному завѣщанію, заключавшій въ себѣ просьбу похоронить его въ открытомъ имъ Новомъ Свѣтѣ.

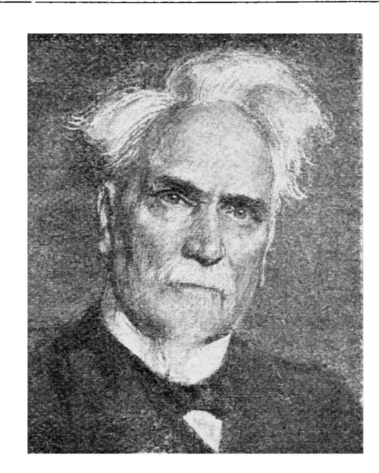
Предсмертное желаніе Колумба долго оставалось невыполненнымъ. Онъ былъ похороненъ сначала въ конвентѣ францисканцевъ, а въ 1583 г. гробъ съ его останками былъ перевезенъ въ Картезіанскій конвентъ святой Клары, въ Севильѣ.

Въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка кости Колумба были, наконецъ, перевезены, согласно его желанію, въ Санъ-Доминго и торжественно преданы были землѣ въ строившемся около полустолѣтія каѳедральномъ соборѣ.

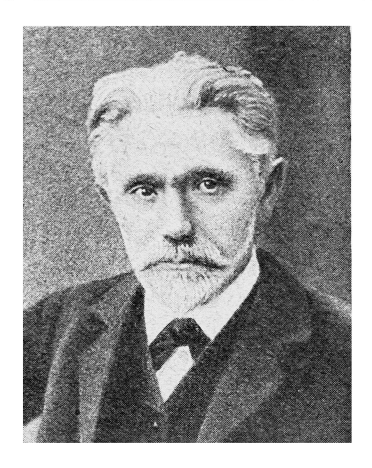
Тамъ же былъ похороненъ его сынъ, Діего-Колонъ, и внукъ, Люсъ-Колонъ.

Правительство Санъ-Доминго согласно потревожить останки безсмертнаго мореплавателя и, вѣроятно, Христофору Колумбу, черезъ четыреста съ лишнимъ лѣтъ послѣ его смерти, удастся осуществить его идею—найти путь въ Западную Индію, безпрерывно держа путь на западъ... М. Вильчуръ.

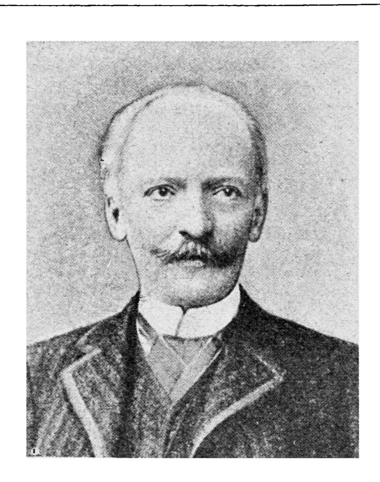
ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ «ВОКРУГЪ СВѢТА».

Анри Рошфоръ († 20 іюня). Блестящій публицистъ и общественный дѣятель. Онъ рѣзко боролся противъ политики Наполеона III, доведшей Францію до паденія, и переворотъ 4 сентября 1870 г. поставилъ его у кормила правленія. Онъ въ качествѣ народнаго избранника засѣдалъ въ законодательномъ корпусѣ. «Борьба до крайности» была его девизомъ. Въ 1874 г. Рошфоръ былъ отправленъ въ ссылку на островъ Нумею, откуда ему удалось бѣжать. Въ 1880 г. послѣ амнистіи онъ вернулся во Францію. Перенесенныя испытанія не угасили его непримиримаго духа. И до послѣднихъ дней онъ не оставлялъ пера, и его исключительное остроуміе и безпощадная насмѣшка продолжали увлекать читателя.

Августъ Бебель († 1 августа). Популярность этого вождя германской соціалъ-демократической партіи переходила далеко за предѣлы Германіи. Съ 1867 года Бебель былъ депутатомъ отъ различныхъ округовъ въ германскомъ рейхстагѣ. Бебель былъ исключительнымъ по своему дарованію ораторомъ, дѣйствительнымъ выразителемъ нуждъ и чаяній милліонной рабочей массы, видѣвшей въ немъ стойкаго защитника ея интересовъ. Вокругъ него сплотилась рабочая партія, онъ выработалъ ей опредѣленную программу, которую проводилъ неуклонительно въ жизнь. Его высокая нравственность, глубокая искренность и прямота внушали къ нему уваженіе даже его противниковъ.

В. Г. Авсѣенко († 29 іюля), одинъ изъ ветерановъ; писатель, пользовавшійся особенной извѣстностью въ 70 годахъ, когда онъ выступилъ съ рядомъ романовъ и политическихъ статей, вызвавшихъ очень оживленный обмѣнъ мнѣній въ печати. Авсѣенко 3 года читалъ лекціи по исторіи въ Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра, а съ 1869 г. вполнѣ отдался беллетристикѣ. Его романы «Млечный путь», «Скрежетъ зубовный», «Андрей Мологинъ» печатались въ «Вѣстникѣ Европы», «Русской мысли», всегда находили себѣ читателей. Въ нихъ онъ пытался характеризовать время блестящаго общественно-литературнаго развитія, хотя съ оцѣнкой его и не всегда можно согласиться.

ПАМЯТИ ИВАНА СЕРГѢЕВИЧА ТУРГЕНЕВА.

(По поводу 30-лѣтія со дня его смерти)

23 августа исполняется ровно тридцать лѣтъ со дня кончины И. С. Тургенева.

Въ день этой годовщины хотѣлось бы еще разъ вспомнить о великомъ художникѣ слова, который былъ наравнѣ съ Л. Н. Толстымъ, глубокимъ выразителемъ думъ, чувствъ и надеждъ русскаго человѣка и, кромѣ того, былъ геніальнымъ поэтомъ русской природы.

Всѣ произведенія Тургенева проникнуты мягкимъ свѣтомъ нѣжной любви къ людямъ и къ природѣ; всѣ они являются отраженіями его великой души, характерными чертами которой были—глубокая *человѣчность* и любовь *свободы*. Эти два чувства, зародившись у Тургенева еще въ самые ранніе годы дѣтства, прочно укоренились въ немъ и сохранились до конца жизни.

Родившись въ помѣщичьей семьѣ, Тургеневъ съ дѣтскихъ лѣтъ столкнулся съ жестокостью крѣпостного права; онъ былъ свидѣтелемъ, какъ живыхъ людей продавали, мѣняли на собакъ и по малѣйшему капризу сѣкли на конюшняхъ. Безысходное горе рабовъ омрачило чуткую душу ребенка и заложило въ нее чувство состраданія къ угнетеннымъ.

Дѣтскіе годы Тургенева были печальны. Суровая и жестокая мать крѣпостница строго обращалась и съ своимъ сыномъ, и онъ росъ одинокій, безъ ласки, предоставленный самому себѣ. Ребенкомъ онъ уходилъ искать ласку къ дворовымъ и къ крестьянамъ и хорошо познакомился съ ихъ тяжелой жизнью.

Въ дѣтствѣ же онъ научился любить и природу и понимать ея красоты, которыя онъ такъ мастерски описывалъ впослѣдствіи. Большую часть времени онъ проводилъ въ огромномъ паркѣ при усадьбѣ матери. «Этотъ садъ, писалъ Тургеневъ позднѣе, былъ прорѣзанъ по всѣмъ направленіямъ липовыми и березовыми аллеями, длинными, узкими и тѣнистыми, или извилистыми, тропинками, полускрытыми въ восхитительномъ кустарникѣ. Старыя сосны, лиственницы, ели, огромные дубы, разбросанные повсюду, разнообразили общее впечатлѣніе, а быстрый спускъ къ пруду дополнялъ картину. Надъ самой водой склонялись кущи ивъ, а склоны, ведшіе къ пруду, заросли орѣшникомъ, бузиной, жимолостью, терновникомъ, подъ которыми росъ верескъ и папоротникъ. Тамъ и сямъ виднѣлись маленькія лужайки, поросшія изумрудной травой, тонкой и сочной, изъ которой потѣшно торчали красныя, лиловыя и палевыя шляпки грибовъ. Здѣсь весною пѣли соловьи, свистали дрозды, кричали кукушки. Лѣтомъ здѣсь всегда было свѣжо, и я любилъ убѣгать въ эту пустынную зеленую чащу, гдѣ у меня были излюбленныя мѣстечки, извѣстныя, какъ я думалъ, одному мнѣ».

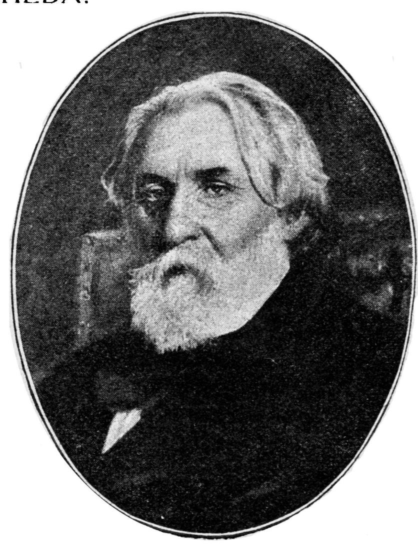
Въ этомъ запущенномъ паркѣ одинъ крѣпостной, бывшій другомъ дѣтства Тургенева и выучившійся самоучкой читать, декламировалъ Тургеневу стихи Ломоносова, Державина и Хераскова и пробудилъ у мальчика любовь къ русской литературѣ, которая еще болѣе укрѣпилась у Тургенева во время его пребыванія въ Петерб. университетѣ, когда онъ познакомился съ Бѣлинскимъ.

Русскій языкъ

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! — Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

Іюнь. 1882.

Ив. Тургеневъ

И. С. Тургеневъ.

Послѣ окончанія университета, въ 1838 г., Тургеневъ, сознавая недостаточность полученныхъ знаній, невозможность получить ихъ въ Россіи и тяготясь крѣпостной обстановкой, рѣшилъ уѣхать за границу. «Я не могъ дышать однимъ воздухомъ,—писалъ Тургеневъ,—оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я ненавидѣлъ; мнѣ необходимо было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ—крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшилъ бороться до конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва».

Поэтъ и художникъ, онъ избралъ своимъ орудіемъ борьбы—художественную литературу. При помощи художественныхъ образовъ онъ хотѣлъ дѣйствовать на чувство человѣка и вызвать отвращеніе къ крѣпостному порядку.

Насколько Тургеневъ достигъ этого, показываетъ тотъ фактъ, что его «Записки охотника» были настольной книгой великаго князя Александра Николаевича, будущаго императора Александра Второго.

Крѣпостные у Тургенева являются не истерзанными жертвами произвола, не жалкими рабами, потерявшими обликъ человѣческій, а просто людьми, которымъ нельзя быть собственностью другихъ людей. Тургеневъ показалъ душу русскаго крестьянина и заставилъ понять русское общество, что нельзя *владѣть людьми*, какъ простою вещью. Искренніе и честные люди поняли это и, въ свою очередь, сдѣлались борцами за освобожденіе.

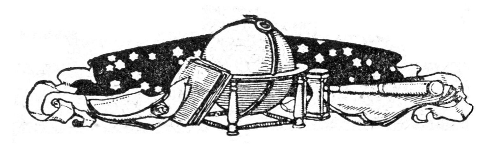
Давши въ молодости свою «аннибаловскую» клятву, Тургеневъ оставался вѣренъ ей до конца и, какъ могъ, боролся за свои идеалы свободы и человѣчности, и «лучшимъ памятникомъ для него былъ бы,—говоря словами французскаго писателя Абу,—обрывокъ рабской цѣпи, брошенный на его могильную плиту».

Этотъ символъ краснорѣчиво свидѣтельствовалъ бы позднѣйшимъ поколѣніямъ о томъ, что сдѣлалъ Тургеневъ для своей родины. Н. Л.

Домъ И. С. Тургенева въ селѣ Спасскомъ.

Редакторъ Вл. А. Поповъ.

АСТРОНОМИЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ.

Сентябрьское звѣздное небо.

Солнце за сентябрь переходитъ изъ созвѣздія Льва въ созвѣздіе Дѣвы. Въ началѣ мѣсяца, проходя созвѣздіе Дѣвы, солнце пересѣкаетъ небесный экваторъ, что знаменуетъ начало осени, такъ какъ съ этого момента (10 сентября) дни становятся короче чѣмъ ночи, конечно, въ сѣверномъ полушаріи земли.

Луна за мѣсяцъ проходитъ путь отъ созвѣздія Водолея до созвѣздія Рыбъ, обойдя за мѣсяцъ все небо. Новолуніе приходится на 17 число, слѣдовательно, около этого времени наиболѣе удобно заниматься наблюденіемъ наиболѣе слабыхъ объектовъ. Передвигаясь среди звѣздъ, луна въ ночь съ 7 по 8 сентября пройдетъ по той области созвѣздія Тѣльца, гдѣ находится общественная группа „Плеяды" и нѣкоторыя изъ нихъ закроетъ на нѣкоторое время. Въ это время луна будетъ имѣть видъ, близкій къ половинѣ круга (послѣдняя четверть), выпуклостью налѣво.

Такъ какъ луна двигается по небу справа налѣво, то она будетъ находить на звѣзду освѣщеннымъ краемъ, появляться же вновь звѣзда будетъ у неосвѣщеннаго, что для несвѣдующаго наблюдателя будетъ имѣть такой видъ, какъ будто звѣзда внезапно появилась на темномъ небесномъ сводѣ.

Что касается *точныхъ* указаній о началѣ и концѣ покрытія, то ихъ трудно здѣсь перечислить.

Вообще говоря, покрытіе это будетъ въ ночь съ 7 по 8 около 3 ч. ночи, или по астрономическому счету времени около 15 часовъ. Около этого времени и слѣдуетъ начать наблюденіе, для облегченія котораго мы и даемъ карту соотвѣтствующей области звѣзднаго неба, на которой нанесенъ путь луны для наблюдателя петербургскаго, московскаго и одесскаго [1]).

Зная положеніе мѣста наблюденія, можно разсчитать приблизительно условія покрытія для этого мѣста.

Венера, какъ и въ августѣ, видна по утрамъ передъ восходомъ солнца, восходитъ она около 2 ч. ночи въ началѣ и около 2 ч. въ концѣ мѣсяца. Угловые размѣры ея уменьшаются за мѣсяцъ на небольшую величину. Въ трубу планета видна какъ луна незадолго до полнолунія. Въ сентябрѣ Венера передвигается по созвѣздіямъ Рака и Льва.

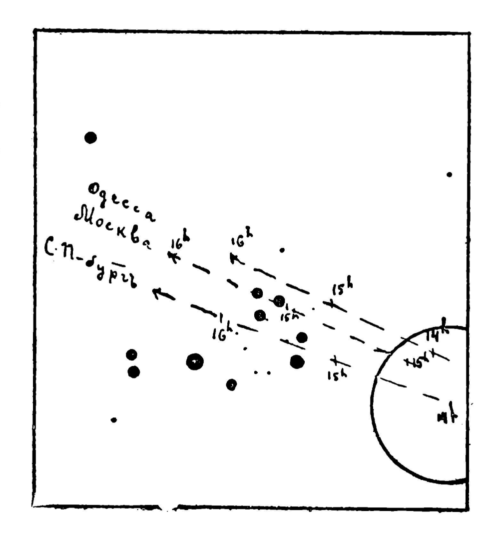
Марсъ передвигается прямымъ движеніемъ по созвѣздію Близнецовъ и уже около 11 ч. вечера можно наблюдать планету близко къ горизонту, а къ 2—3 часамъ ночи наблюденія вполнѣ возможны. Сл дуетъ замѣтить, что все это время разстоянія между Землей и Марсомъ вслѣдствіе движенія обѣихъ планетъ уменьшается вплоть до декабря, когда начинается обратное явленіе. Однако увеличеніе углового діаметра диска очень мало за мѣсяцъ и нужно увеличеніе около 120 разъ, чтобы увидѣть Марсъ въ половину меньше, чѣмъ луна, невооруженному глазу.

Сатурнъ за сентябрь двигается по созвѣздію Тельца, измѣняя прямое движеніе на попятное, къ концу мѣсяца онъ приходитъ почти къ тому же мѣсту, гдѣ былъ въ началѣ. Планету можно наблюдать уже съ $9^1/_2$ часовъ вечера близъ горизонта, часамъ же къ 12 Сатурнъ поднимается настолько высоко, что наблюденіе планеты не представляетъ никакихъ затрудненій. За мѣсяцъ угловые размѣры планеты и ея кольца нѣсколько увеличиваются и, имѣя трубу съ увеличеніемъ въ 80 разъ, можно, вообще говоря, разглядѣть всю эту систему. Кольцо настолько широко раскрыто, что сама планета не выдается за края кольца („планета съ ушками").

Юпитеръ. Что касается Юпитера, то въ сентябрѣ планета двигается по созвѣздію Стрѣльца. При наступленіи сумерекъ его можно найти въ южной части небосвода, близко къ горизонту, что, конечно, служитъ серьезнымъ препятствіемъ для наблюденій.

Звѣздное небо въ сентябрѣ даетъ возможность наблюдать такъ называемыя звѣздныя скопленія. Изъ этихъ звѣздныхъ скопленій Плеяды въ Тельцѣ общеизвѣстны, менѣе извѣстны два скопленія звѣздъ въ созвѣздіи Персея, такъ называемыя кучи ϰ и λ, расположенныя недалеко отъ звѣзды η Персея. Эти кучи легко разглядѣть и невооруженнымъ глазомъ въ видѣ слабаго сіянія, въ бинокль же или небольшую трубу становится замѣтнымъ, что эти туманныя пятна состоятъ изъ громаднаго числа звѣздочекъ. Такими наблюденіями лучше всего заниматься въ безлунныя ночи.

М Н.

[1]) Вырѣзавъ изъ бумаги кругъ, соотвѣтствующій лунѣ, и передвигая его центръ по пунктирной линіи, можно разсчитать, какія звѣзды и когда будутъ покрыты. На пунктирныхъ линіяхъ отмѣчены точки, въ которыхъ луна при своемъ движеніи будетъ въ 14, 15 и 16 часовъ астрономическаго времени.

Д я другихъ городовъ легко приблизительно помѣтить путь луны, напр., для Харькова, лежащаго между параллелями Москвы и Одессы, и линія движенія луны будетъ лежать между соотвѣтствующими пунктирными линіями. Время въ этомъ случаѣ разсчитать трудно.

○▬○▬○

Погибшіе на полярномъ островѣ.

Въ маѣ 1908 года знатокомъ Туруханскаго края Бѣгичевымъ былъ открытъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ островъ. Островъ этотъ, съ площадью около 300 кв. верстъ, находится подъ 74° сѣверной широты и 128° восточной долготы.

Всю весну и лѣто 1908 года Бѣгичевъ провелъ на островѣ, производя его обслѣдованіе. Оказалось, что островъ очень богатъ дикими оленями, бѣлыми медвѣдями, песцами, моржами, полярными лисицами и проч.

4 ноября того же года Бѣгичевъ выѣхалъ на оленяхъ на материкъ, чтобы разработать планъ эксплуатаціи острова.

17 апрѣля 1910 года группа русскихъ промышленниковъ, съ Бѣгичевымъ во-главѣ, прибыла на оленяхъ на новый островъ для промысла звѣря и мамонтовой кости. Группа состояла изъ пяти человѣкъ: Бѣгичева, Семенова, Гаркина, Кузнецова и Уксунникова.

На островѣ закипѣла работа. Все лѣто промышленники сооружали домъ для жилья и амбаръ для склада провизіи.

Въ августѣ Бѣгичевъ съ Гаркинымъ на лодкѣ объѣзжали островъ кругомъ, а остальные промышленники кочевали въ это время на оленяхъ по острову, заготовляя провизію на зиму. Ими было убито 70 дикихъ оленей и нѣсколько песцовъ.

Съ сентября промышленники намѣревались приступить къ планамерной добычѣ звѣря, но эти намѣренія не осуществились. 14 ноября на оленей, на которыхъ пріѣхали промышленники, напала стая волковъ, и олени разбѣжались по острову. Всѣ поиски ихъ остались безрезультатными.

Положеніе создалось крайне тяжелое. Промышленники были лишены возможности передвиженія по острову, такъ какъ глубина снѣга достигаетъ здѣсь болѣе сажени. При такихъ условіяхъ добыча звѣря стала невозможной. Тогда Бѣгичевъ предложилъ промышленникамъ покинуть островъ. На предложеніе Бѣгичева согласились только Кузнецовъ и Уксунниковъ. Семеновъ и Гаркинъ рѣшительно заявили, что они остаются на островѣ для промысла полярныхъ лисицъ.

18 декабря Бѣгичевъ, Кузнецовъ и Уксунниковъ покинули островъ и достигли материка (станокъ Анаборъ) черезъ 72 часа ходьбы. Все время путешественникамъ пришлось итти пѣшкомъ, и притомъ въ сплошную темную полярную ночь.

Черезъ четыре мѣсяца, 14 апрѣля 1911 года, Бѣгичевъ, уже одинъ, на собакахъ опять вернулся на островъ. Семеновъ и Гаркинъ были живы, здоровы и занимались охотой.

Все лѣто 1911 года промышленники провели на островѣ за работой. Они устраивали черезъ 15 верстъ одна отъ другой ловушки для лисицъ, строили изъ лѣса юрты для наблюденія за ловушками въ зимнюю пору и заготовляли дрова изъ сушника.

Но наступившая зима не оправдала надеждъ промышленниковъ: охота на лисицъ оказалась неудачной.

Тогда Бѣгичевъ снова предложилъ промышленникамъ покончить съ охотой и выѣхать всѣмъ на материкъ. Однако Семеновъ и Гаркинъ категорически заявили, что они вдвоемъ остаются еще на одинъ годъ и выѣдутъ на материкъ, къ станку Анаборъ, 1 апрѣля 1911 года. Въ удостовѣреніе того, что Семеновъ и Гаркинъ остаются на островѣ добровольно, они выдали Бѣгичеву расписку.

20 января 1912 года Бѣгичевъ покинулъ островъ, выѣхалъ на материкъ и затѣмъ отправился въ Россію. Въ ноябрѣ онъ вернулся въ Туруханскій край, пріѣхалъ на станокъ Анасоръ и оттуда 13 марта 1913 года отправился на островъ провѣдать Семенова и Гаркина.

Прибывъ на островъ, Бѣгичевъ нашелъ домъ, въ которомъ жили промышленники, занесеннымъ по крышу снѣгомъ. Возлѣ дома никакихъ слѣдовъ не было. Бѣгичевъ откопалъ дверь и со свѣчой пробрался внутрь.

Оказалось, что весь полъ въ домѣ былъ вывороченъ, вещи разбросаны, стѣны закопчены дымомъ. На кровати, лицомъ внизъ, лежалъ трупъ Гаркина. На столѣ разбросаны листки дневника покойнаго, который онъ началъ вести съ 23 мая 1912 года. Съ 6 марта 1913 года дневникъ уже не велся.

Изъ дневника видно, что товарищъ Гаркина, Семеновъ, умеръ 21 января 1913 года. И Семеновъ и Гаркинъ умерли съ голоду. 23 марта Бѣгичевъ нашелъ зарытымъ въ снѣгу завернутый въ мѣховое одѣяло трупъ Семенова.

На маленькомъ холмѣ снѣга, въ который былъ зарытъ трупъ, вмѣсто креста, торчало ружье.

Трупы Семенова и Гаркина были свезены въ юрту. Чтобы въ юрту не попали звѣри, она была завалена со всѣхъ сторонъ лѣсомъ.

30 іюля Бѣгичевъ пріѣхалъ въ село Дудинское, Туруханскаго края, и заявилъ администраціи о гибели промышленниковъ. „Р. С."

○▬○▬○

СПЕРМИНЪ

Сперминъ-Пеля единственный настоящій сперминъ, всесторонне испытанъ и, благодаря достигнутымъ блестящимъ результатамъ, рекомендуется извѣстнѣйшими учеными всего міра при **неврастеніи, половомъ безсиліи, старческой дряхлости, общей слабости, истеріи, невралгіяхъ, малокровіи, чахоткѣ, сифилисѣ, послѣдствіяхъ ртутнаго лѣченія, сердечныхъ заболѣваніяхъ (ожирѣніи, склерозѣ сердца, сердцебіеніяхъ, перебояхъ, міокардитѣ), артеріосклерозѣ, алкоголизмѣ, спинной сухоткѣ, параличахъ, переутомленіи** и проч. Слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе

СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ

и остерегаться малоцѣнныхъ негодныхъ подражаній, т. н. вытяжекъ изъ сѣмянныхъ железъ, которыя со Сперминомъ-Пеля ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго не имѣютъ и часто содержатъ вредныя для здоровья вещества.

Литература высылается безплатно. Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Докторъ ПЕЛЬ и С-вья. Спб.
Поставщики Двора Его Императорскаго Величества.

БОЛЬНЫМЪ.

810

ОТЪ КОНТОРЫ.

При доплатахъ и всякаго рода заявленіяхъ, а также при увѣдомленіи о перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ непремѣнно прилагать печатный адресъ, безъ котораго справки и перемѣны дѣлаемы не будутъ.

За перемѣну адреса уплачивается три семикопеечныя марки, безъ приложенія коихъ перемѣна адреса дѣлаема не будетъ.

РУЖЬЯ НЕБОГАТ. ОХОТНИКАМЪ!
Прочной работы, чистой отдѣлки и вѣрнаго боя дешевле всѣхъ только у Я. Никитина, Ижевскій Заводъ, Вятск. губ., Береговая, 82—15. Требуйте прейсъ-куранты! 833

— Политехническій институтъ —
Франкенгаузенъ (Германія, Куфг.).
Всеобщее и сельскохозяйствен. машиностроительство, электротехника сооруженія.

571

Разрѣшен. Учебн. Округ.
КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ
А. П. Бобыря, Кіевъ. Личное и заочное обученіе. Условія безплатно.
Сущ. съ 1894 года. 753

ПИВО
въ сухомъ видѣ. Новость въ Россіи. 100 бут. 3 руб., 50 бут. 2 руб., 25 бут. 1 р. 35 к. Патентъ и привилегія на всю Россію за № 57.884. Много благодарныхъ отзывовъ. Г. Переславль-Залѣсскій, заводъ Ник. Ник. Глухарева.

832

ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ
„Вокругъ Свѣта"
ПРИНИМАЕТСЯ
въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина: Невскій, 68, и Б. Садовая, 25.

УНИЧТОЖАЕТ МОЗОЛИ С КОРНЕМ.
МОЗОЛИН 35к.
РЕЙНГЕРЦ
ОСТЕРЕГ. ПОДДѢЛ. ПРОД. ВЕЗДѢ ВЪ АПТЕКАХЪ и АПТ. МАГ.

806

При требов. кат. прошу ссыл. на изданіе.

748

809

Усы и борода!

Перуин-Пето способствуетъ рощенію волосъ, усамъ и бородѣ съ удивительнымъ успѣхомъ. Гдѣ существуютъ мелкіе, едва замѣтные волосы, развивается скоро пышная растительность волосъ, что доказано многими одобрительными и похвальными отзывами. **Перуин-Пето** одобренъ **золотой медалью** на всемірныхъ выставкахъ въ Парижѣ и Брюсселѣ. Перуин наилучшее и вѣрнѣйшее средство изо всѣхъ существующихъ для сей цѣли средствъ.

Флаконъ съ золот. медалью. Вездѣ 1 р. 75 к. флаконъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ **ПЕРУИНА-ПЕТО** надо непремѣнно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская золотая медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя **Р. Г. Пето.** Всѣ остальныя безъ медали и безъ аттестата поддѣлки. Оптовый складъ: **Базаръ Марокъ.** СПБ., Невскій пр., 20. кв. 28.

517

751

809

При этомъ № разсылается подписчикамъ на II изданіе журнала „Вокругъ Свѣта" (11-рублевое) книга XXXII полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., соб. д-мъ.